

INSPIRIA

ШАНЕЛЬ КЛИТОН

Когда мы покинули Кубу

Исторические события, шпионские игры,
сильная женщина — все это делает роман
невероятно захватывающим.

Карен Уайт

INSPIRIA

Novel. Семейный альбом

Шанель КЛИТОН

Когда мы покинули Кубу

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клитон Ш.

Когда мы покинули Кубу / Ш. Клитон — «Эксмо»,
2018 — (Novel. Семейный альбом)

ISBN 978-5-04-117709-6

Шанель Клитон переносит нас на Кубу – Остров свободы, остров любви, где воздух пропитан солеными брызгами океана и всегда светит солнце. Беатрис Перес стоит на распутии. Кубинская революция забрала у нее все. Она не знает, что будет завтра. Она зла на то, что происходит сегодня. Она мечтает вернуть свою жизнь. Это ее история. Красивая, дерзкая, смертельно опасная. История о любви и потере. О том, на что мы готовы пойти, чтобы вернуться домой. Шанель Клитон вновь удалось изобразить сильную духом женщину, попавшую в водоворот исторических событий, но решившую идти своей дорогой. Читайте новый бестселлер NEW YORK TIMES! Сестры Перес возвращаются! «Секс, драма, саспенс. Идеально сочетается с мохито». – People «Красивый и глубоко трогательный роман от автора, чьи книги стоят на полках всех любителей исторических романов». – Дженнифер Робсон, автор бестселлера «Платье королевы» «Вы не сможете отложить эту книгу». – Cosmopolitan

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117709-6

© Клитон Ш., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Шанель Клитон

Когда мы покинули Кубу

*Посвящается мечтам, которые просачиваются сквозь пальцы.
Пусть однажды нам удастся удержать их в руках.*

Chanel Cleeton

WHEN WE LEFT CUBA

Copyright © 2018 by Chanel Cleeton

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

© Николенко М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

26 ноября 2016 года
ПАЛМ-БИЧ

Вскоре после двенадцати, в ту магическую волнующую пору, когда ночь уже начинает убывать, услужливый человек в темном костюме привозит к воротам роскошной виллы на Палм-Бич изящную корзину с пышным красным бантом. Вручив ее, он так же быстро, как приехал, уезжает на серебристом *Rolls-Royce*, принадлежащем одному из самых знаменитых жителей острова.

Корзину забирает женщина. Когда ее вечер подходит к концу, она разворачивает посылку в святилище своей гостиной, оформленной в сочных тонах. Знакомые французские слова все проясняют.

По щеке скатывается слеза.

Фольга хрустит в ладони. Прохладное стекло успокаивает кожу, как бальзам. Кажется, что шампанское ожидало ее во льду все эти годы. Она несет бутылку к стойке бара, унизанные кольцами пальцы, дрожа, снимают оплетку.

Хлопок вылетевшей пробки дерзко разрывает тишину ночи. Уже поздно, но повод слишком значителен, чтобы оставить его без внимания. Скоро ночной покой нарушат другие звуки: звонок телефона, голоса родных и друзей, поздравления с окончанием войны, которая казалась бесконечной. Но это все потом, а сейчас...

Пузырьки шампанского взрываются у нее на языке. Это вкус победы и поражения, любви и утраты, ночей веселья и упадка в Гаване, дней изгнания в Палм-Бич... Она молча поднимает бокал. Вид собственной руки – руки уже немолодой женщины – до сих пор ей непривычен. «Выдержанная» кожа, которую не разгладит ни один пластический хирург, насмешливо указывает на то, что нет вора более жестокого, чем время.

Когда она успела так постареть?

Записки в корзине нет, но и не нужно. Кто мог прислать этот подарок – такой дорогой и так о многом говорящий именно ей?

Только он.

Глава 1

Январь 1960 года
ПАЛМ-БИЧ

Чем более успешно женщина коллекционирует предложения руки и сердца, тем более эксцентрическая слава ее окружает. Одно предложение совершенно необходимо для того, чтобы тобой восхищались в приличном (ну, или не очень приличном) обществе. После второго ты становишься желанной гостьей на вечеринках, после третьего приобретаешь легкий ореол таинственности. Четвертое – это уже скандал, а пятое делает тебя легендой.

Я смотрю на мужчину, стоящего передо мной на одном колене. *Как его зовут?* От избытка шампанского и дури он вот-вот потеряет равновесие и рухнет. Это двоюродный племянник почтенных Престонов, некровный родственник бывшего вице-президента, кузен действующего сенатора. Его смокинг элегантен, состояние, вероятно, довольно скромно (хотя тетушкино завещание вселяет оптимизм), подбородок недоразвит, оттого что Престоны слишком часто женились на Престонах.

Эндрю? Или Альберт? А может, Адам?

Мы всего несколько раз виделись на вечеринках вроде этой. В Гаване я была королевой таких праздников, а здесь, на Палм-Бич, вынуждена радоваться, что меня вообще пригласили. Дальний родственник американской знати – это, пожалуй, не такая уж плохая партия. Нищим, как говорится, не пристало быть разборчивыми, а беженцам тем более. Разумно было бы принять это предложение (счастливый пятый номер в моей коллекции) и следом за сестрой Элизой отправиться в святилище законного брака.

Но какая мне от этого радость?

Шепоток шуршит по моему платью, у всех на устах мое имя – Беатрис Перес, – спиной я чувствую тяжесть любопытных взглядов, слова ползут ко мне, цепляются за мой подол, срывают с моей шеи фальшивые бриллианты и швыряют их на пол.

Вы только поглядите на нее!

Высокомерная, как вся их семейка! Пора бы им уже понять, что здесь не Куба!

Посмотрите на ее бедра, на ее платье!

– Разве Пересы не все потеряли? Разве Фидель Кастро не национализировал сахарные плантации ее отца?

– *Есть ли у нее стыд?*

Я широко улыбаюсь: моя улыбка лучезарнее, но не подлиннее моих бриллиантов. Не останавливая взгляда ни на Александре, который похож на сухопутного человека, оказавшегося в шторм на корабле, ни на блюстителей светских порядков, которые мечут в меня громы и молнии, я нахожу в толпе Изабеллу и Элизу. Мои сестры стоят в углу с бокалами шампанского в руках, своим видом напоминая мне о том, что никогда и ни перед чем не нужно сгибаться.

Я храбро смотрю на Элистера.

– Спасибо, но я вынуждена отказаться.

Я стараюсь придать своему тону непринужденность, показывая, что воспринимаю все это как шутку, причем пьяную. Надеюсь, так и есть? Люди ведь не влюбляются и не делают предложение одним махом? В любом случае ситуация... неловкая.

Бедный Артур, похоже, ошарашен моим ответом. Может, он и не шутил.

Постепенно он приходит в себя. Беззаботная улыбка, которая была на его лице до того, как он упал на колени, возвращается, став еще шире. По-видимому, он вернулся в естественное для него состояние полной удовлетворенности собой и своим миром. Я протягиваю ему руку,

он хватается за нее липкой ладонью и, качнувшись, встает. С его губ срывается звук, похожий на хрюканье.

Он прищуривается. Его глаза теперь на одном уровне с моими. Ну или почти на одном: туфли, позаимствованные у Изабеллы, добавляют мне пару дюймов.

Блеском во взгляде Элек напоминает ребенка, который собирается устроить зрелищную истерику в отместку за то, что у него отняли любимую игрушку.

– Позвольте предположить: на Кубе остался кто-то, к кому вы равнодушны? – спрашивает он так едко, что я кожей ощущаю покалывание.

На моем лице снова вспыхивает унаследованная от матери бриллиантовая улыбка. Блеск ее острых граней предупреждает: не подходи, я тоже умею кусаться!

– Вы почти угадали, – лгу я.

Презрительное фырканье, вздохи и шелест платьев, сшитых на заказ, свидетельствуют о том, что общество отвортило от меня свое высокое внимание. Ведь теперь один из них уже не стоит, преклонив колено, перед какой-то выскочкой, чье присутствие они вынуждены терпеть. Денег и влияния у нашей семьи достаточно (в Америке сахар почти так же прибылен, как на Кубе), чтобы нас нельзя было просто отрезать, но далеко не достаточно, чтобы местная светская публика не смотрела на нас, как стая лоснящихся волков на кусок мяса. По милости Фиделя Кастро мы столько потеряли, что уже за это я вонзила бы нож в его сердце.

Вдруг стены зала становятся для меня слишком тесными, освещение слишком ярким, лиф слишком тугим.

Прошел уже почти год с тех пор, как мы покинули Кубу. Изначально мы думали, будто отлучаемся на каких-нибудь несколько месяцев, однако потом мир понял, что Фидель Кастро сделал с нашим островом, и Америка приняла нас в свои любящие объятия. Почти.

Я окружена людьми, прячущими презрительное нежелание меня видеть за вежливыми улыбками и неискренними изъявлениями сочувствия. Они воротят от нашей семьи свои патрицианские носы, потому что мы не жили здесь со дня открытия Америки и не из Англии сюда приплыли. Моя кожа чересчур темная, манера речи выдает во мне иностранку, я чересчур католичка и фамилия у меня чересчур кубинская.

Пожилая женщина, и цветом, и чертами лица похожая на моего несостоявшегося жениха, молниеносно приблизилась к нам и увлекла его за собой, смерив меня уничтожающим взглядом, который, по ее замыслу, должен был сбить мою «спесь». Через секунду я, окутанная шлейфом ее духов «Живанши», вновь остаюсь одна.

Будь на то моя воля, наша семья не ездила бы на подобные вечеринки, не пыталась бы снискать расположение местного общества. Но дело не в том, чего хочу я. Дело в моей матери, в моих сестрах, в том, что отцу нужны связи, чтобы расширить свою деловую империю и защитить нас от новых ударов.

И, конечно же, как всегда, дело в Алехандро.

Подобрав край платья, чтобы не порвать тонкую ткань, я направляюсь к одному из балконов. Проскальзываю в открытые двери бальной залы и ступаю на каменную террасу. Мой подол подхватывает бриз. Чувствуется легкая прохлада, ясное небо усыпано звездами, светит полная луна. Вдалеке монотонно рокочет океан. Это звук моего детства и моей юности, манящий меня, как пение сирен. Я закрываю глаза, которым вдруг стало горячо, и представляю себя на другом балконе, в другой стране, в другие времена. Что, если махнуть рукой на эту вечеринку и отправиться на пляж: сбросить неудобные туфли, пройти, подгибая пальцы, по песку, намочить лодыжки в океанской воде?

По щеке скатывается слеза. Я никогда не думала, что человек может так тосковать по месту.

Отерев лицо тыльной стороной руки, я перевожу взгляд за балюстраду, на пальмы, качающиеся листьями.

Какой-то мужчина стоит, опершись о перила. Одна половина его лица скрыта темнотой, другая освещена лунным лучом. Он высокий, волосы светлые, с оттенком рыжего. Руки широко расставлены, плечи натягивают сшитый по мерке смокинг.

Я делаю шаг назад, он поворачивается.

Я застываю.

Вот это да!

Чем чаще ты слышишь от окружающих, что ты красива, тем меньше для тебя значат эти слова. В чем заключается «красота»? Если кто-то считает черты твоего лица приятными, это ведь только дело его вкуса! «Красота» не соотносится напрямую с другими качествами: с тем, насколько человек умен, интересен, смел. И все-таки...

Этот мужчина красив. Потрясающе красив.

Он стоит как на портрете, написанном широкими сочными мазками. Его лицо, словно бы обессмерченное свободными движениями кисти, кажется мне лицом бога, сошедшего на землю, чтобы вмешаться в людские дела.

Этот мужчина раздражающе красив.

Он производит впечатление человека, которому не приходилось беспокоиться о том, будет ли у него крыша над головой и не умрет ли его отец в клетке с восьмью другими заключенными. Он явно никогда не спасался бегством из единственного известного ему мира. Нет, он из тех, кому твердят, что они совершенство, с момента пробуждения и до тех пор, пока голова не коснется подушки.

Он тоже меня заметил.

Золотой Мальчик прислонился к балюстраде, большие руки скрещены на груди. Его глаза начинают путешествие по мне: от темных волос, над которыми мы с Изабеллой, проклиная отсутствие служанки, колдовали целый час, взгляд переходит на мое лицо, от лица на грудь, открытую глубоким декольте, на безвкусные фальшивые бриллианты (из-за них я сама вдруг начинаю казаться себе дешевкой, самозванкой), потом на талию и бедра.

Я делаю еще один шаг назад.

– Могу ли я называть вас кузиной?

Его слова остановили меня, как если бы он рукой удержал меня за пояс. Видимо, Золотой Мальчик привык без всякого труда подчинять других своей воле.

Ненавижу подобных людей.

Такая манера речи, как у него, в этой стране, насколько я успела заметить, служит своеобразным эквивалентом денег. Он говорит ровно, хрустко, без намека на акцент – по крайней мере на тот, который нежелателен. В голосе этого человека чувствуется уверенность в том, что каждое его слово собеседник впитает, как губка.

Я вздергиваю бровь.

– Простите?

Он отталкивается от перил, длинные ноги пересекают разделяющее нас расстояние. Когда он останавливается, мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Они голубые, как вода в глубоких местах возле гаванской набережной Малекон.

Не прерывая зрительного контакта, он едва дотрагивается большим пальцем до моего безымянного пальца без кольца. Это прикосновение резко развеивает тот сон, который на протяжении нескольких часов навевал на меня скучный вечер. Он кривит рот в улыбке, вокруг глаз появляются маленькие морщинки. Приятно видеть, что и у богов есть недостатки.

– Эндрю – мой кузен, – объясняет он таким тоном, будто мое недоумение кажется ему слегка забавным.

Именно слегка. По моим наблюдениям, те богачи, которые действительно по-прежнему богаты, умудряются строго дозировать веселость: как будто бы еще чуть-чуть, и это был бы ужасно дурной тон.

Эндрю. Вот, значит, как зовут того, от кого я получила пятое предложение руки и сердца. А тот, кто стоит сейчас передо мной? У него, вероятно, тоже есть имя, причем довольно громкое. Интересно, он сам Престон или, как Эндрю, связан с этим семейством дальним родством?

– Мы все затаив дыхание ждали вашего ответа.

Опять в его тоне слышится легкая насмешка – опасное оружие, если правильно заточить. Здесь все умеют быть колкими, только он, как мне кажется, смеется вместе со мной, а не надо мной – это приятная перемена.

Я вознаграждаю его улыбкой, слегка смягчив ее острые края:

– Ваш кузен превосходно владеет искусством собирать вокруг себя толпу и умеет выбрать для этого самое подходящее время.

– Кроме того, у него замечательный вкус, – отвечает Золотой Мальчик любезно, даже слишком любезно, и тоже улыбается – еще ослепительнее, чем раньше.

Он и до сих пор был красив, а сейчас это стало просто неприлично.

– Верно, – соглашаюсь я.

Ложная скромность мне здесь ни к чему: если сама за себя бороться не будешь, кто будет? Он еще чуть сильнее подается ко мне, как будто хочет доверить какой-то секрет.

– Неудивительно, что вы привели всех в бешенство.

– Кто? Я?

Он усмехается. Этот низкий звук соблазнителен, как первый глоток рома, согревающий тебя изнутри.

– Вы знаете, какое впечатление производите на людей. Я наблюдал за вами в бальном зале.

Почему я его не заметила? Такие люди обычно в толпе не теряются.

– И что же вы увидели? – спрашиваю я, раззадоренная тем, как упорно он не отводит взгляда.

– Вас. – Мое сердце начинает биться чаще. – Только вас, – говорит он в меру громко, чтобы океан и ветер не заглушали его.

– А я вас не видела, – произношу я хриплым голосом, который как будто бы принадлежит не мне, а кому-то, кого все это вывело из равновесия.

Я тоже не отвожу взгляда. Его глаза слегка расширяются, на щеке появляется ямочка – еще один маленький дефект, который, правда, воспринимается скорее как изюминка.

– Вы умеете заставить мужчину почувствовать себя особенным.

Я сжимаю пальцы, чтобы не поддаться искушению и не дотронуться до его щеки.

– Подозреваю, вам многие дают такую возможность.

Он опять улыбается.

– Вы угадали.

Я встаю с ним рядом, и теперь мы плечом к плечу глядим в небо. Он искоса смотрит на меня.

– Так, значит, это правда?

– Говорят, в Гаване вы правили, как королева.

– В Гаване королев нет. Там есть только тиран, который метит в короли.

– То есть вы не в восторге от революционеров?

– Смотря каких революционеров вы имеете в виду. От некоторых бывает кое-какая польза. Но Фидель и ему подобные – это стервятники, пожирающие Кубу, как пададь. – Я делаю шаг вперед и чуть в сторону. Пышный подол моего платья задевает его элегантные брюки. Он у меня за спиной, я шеей чувствую его дыхание, но не оглядываюсь. – Президента Батисту действительно нужно было свергнуть. Теперь бы только избавиться еще и от тех, кто это сделал.

Я оборачиваюсь. Его взгляд заострился: ленивое любопытство сменилось чем-то бильшим.

– А кого же, по-вашему, нужно поставить на их место?

– Лидера, который будет заботиться о кубинцах, о их будущем. Который захочет вытащить Кубу из-под американского ярма. – То, что мой собеседник американец, меня не смущает. Я не одна из них и притворяться не собираюсь. – Кубе нужен тот, под чьим руководством ее экономика перестанет зависеть от сахара, – прибавляю я, противореча позиции нашей семьи. (Тростниковые плантации обогатили нас, но отрицать разрушительное воздействие сахарного бизнеса на наш остров невозможно, хоть мой отец и пытается это делать.) – Нужен лидер, который даст нам подлинную демократию и свободу.

Он молчит, еще раз окидывая меня оценивающим взглядом. Не знаю, от ветра ли или от его дыхания на моей коже, но по мне пробегают мурашки.

– Вы опасная женщина, Беатрис Перес.

Мои губы изгибаются в улыбке. То, что он знает мое имя, да еще и назвал меня «опасной женщиной», слегка льстит мне, хоть я отчаянно борюсь с приятным ощущением.

– Опасная для кого? – спрашиваю я дразняще.

Он не отвечает, но в этом и нет необходимости. Опять улыбка, опять ямочка на щеке.

– Готов поспорить, что за вами тянется шлейф из разбитых сердец.

Я пожимаю открытыми плечами, кожей чувствуя его взгляд.

– Мне делали предложение разок-другой. Ну или четыре.

– Наследники ромовых империй и сахарные бароны или косматые бородатые борцы за свободу?

– Скажем так: у меня широкий вкус. Однажды я поцеловала Че Гевару.

Не знаю, кто сейчас больше удивлен: мой собеседник или я сама. Понятия не имею, зачем я сказала то, что хранила в тайне даже от собственной семьи, совершенно незнакомому человеку. Наверное, чтобы его потрясти. Американцев так легко шокировать! Еще, вероятно, мне захотелось показать ему, что я не какая-нибудь дурочка, едва начавшая выходить в свет. Я делала и видела такое, чего он даже представить себе не может. То, насколько далеко я зашла, думая, что освобождаю отца из ада Че Гевары – тюрьмы Ла Кабанья, – история довольно впечатляющая. Сейчас я содрогаюсь при мысли о том, какая это была самонадеянность со стороны молодой девушки – воспринимать свой поцелуй как средство спасения жизни.

– И как вам? Понравилось? – спрашивает Золотой Мальчик.

Его лицо непроницаемо, как умная маска, которая оказывается на месте в нужный момент. Я не могу понять, шокирован ли он или ему меня жаль. Мне его жалость была бы куда неприятнее, чем презрение общества.

– Что понравилось? Поцелуй?

Он кивает.

– Я охотнее перерезала бы ему горло.

Надо отдать Золотому Мальчику должное: он не морщится от моего кровожадного ответа.

– Тогда зачем вы его поцеловали?

Я удивляю себя и, возможно, его тоже, решив не увиливать от правдивого ответа:

– Я устала от того, что со мной происходило. Мне захотелось взять судьбу в свои руки, спасти человека.

– Удалось?

Во рту ощущается пепельный вкус поражения.

– В тот раз – да.

Мощная эмоциональная волна приносит воспоминание о другом человеке, которого я спасти не смогла: вот машина, визжа тормозами, останавливается перед огромными воротами нашего дома, вот открывается дверца, и еще не остывшее тело моего брата выпадает на землю, пятная кровью ступени, на которых мы в детстве играли. Я рыдаю, обнимая его голову.

– Это действительно так плохо, как все говорят? – Тон моего собеседника стал почти невыносимо мягким.

– Хуже.

– Не могу себе такого вообразить.

– Конечно. Вы не представляете, как вам повезло, что вы родились в это время и в этом месте. Если у вас нет свободы, у вас нет ничего.

– И что бы вы посоветовали человеку, чья свобода закончится через несколько минут?

Я усмехаюсь.

– Бежать.

По его лицу пробегает тень улыбки, но он явно не принял мой ответ за чистую монету. Своей способностью видеть не только фасад он начинает нравиться мне еще больше.

– Ценить каждую оставшуюся секунду, – говорю я.

Мне хочется спросить, как его зовут, однако гордость меня останавливает. Гордость и страх.

Такой роскоши сейчас не место в моей жизни.

Моргнув, я вижу протянутую ладонь.

– Потанцуете со мной?

Я сглатываю, во рту вдруг становится сухо. Я изучающе смотрю на Золотого Мальчика, стараясь не показывать, что сердце в груди грохочет, а рука так и тянется к нему.

– Почему-то ваши слова звучат скорее как вызов, чем как приглашение.

На пустой балкон просачивается музыка – слабый фон вечеринки.

– Разрешите пригласить вас на танец, Беатрис Перес – девушка, целующая революционеров и похищающая сердца.

То, что он так неумеренно любезен, очень даже нравится мне. Я качаю головой, на моих губах играет улыбка.

– Об украденных сердцах я ничего не говорила.

Он улыбается мне в ответ, и я чуть не замигаюсь, как от яркого электрического света.

– Зато я говорю.

Разве у меня может быть хоть какой-то шанс?

Он делает шаг вперед, снова уничтожив расстояние между нами. Мои ноздри улавливают аромат одеколона, глаза оказываются на уровне белоснежного треугольника рубашки. Его ладонь ложится на мою талию, и сквозь ткань платья я ощущаю тепло. Другой рукой он берет мою руку, наши пальцы переплетаются.

Следуя за ним в танце, я чувствую, как сердце переворачивается в груди. Двигается он естественно и уверенно, что неудивительно. Мы не разговариваем, но это и не нужно. Слова показались бы слишком поверхностными и недостаточно интимными по сравнению с тем разговором, который ведут наши тела, шурша одеждой и заставляя кожу ощущать следы легчайших прикосновений.

Если ты коллекционируешь предложения руки и сердца, все считают тебя кокеткой. Когда-то давно я, может, и правда кокетничала; сейчас это кажется мне неестественным. Я нахожусь на полпути между девушкой, которой была, и женщиной, которой хочу стать.

Песня заканчивается, тут же начинается другая. Наш танец, рождавший ощущение бесконечности, закончился в мгновение ока. Партнер отстранился от меня, слегка подняв и тут же опустив плечи. Я чувствую холодный воздух между нами, моим пальцам не хватает его пальцев. Шок от нашего разделения ощущается удивительно остро.

Я смотрю ему в глаза, готовясь отразить атаку предстоящего флирта. Наверное, сейчас Золотой Мальчик пригласит меня на обед или ужин, скажет, что я превосходно танцую, в его взгляде будет ощущаться жар. Романтические связи мне сейчас не нужны, хотя на какое-то время связать себя с этим мужчиной было бы, наверное, очень приятно.

– Спасибо за танец, – улыбается он и уходит.

Я смотрю ему вслед, уверенная, что он обернется.

Но он не оборачивается.

К моему удивлению, он исчезает в бальном зале, возвращаясь в мир, где ему, очевидно, и место. Проходит несколько минут, прежде чем я тоже нахожу в себе силы, чтобы вернуться под яркие люстры, к не менее блистательному обществу.

Вот я вошла. Изабелла стоит в сторонке. Элизы не видно. Когда я спрашиваю, где она, Изабелла отвечает:

– Поехала домой. Ей стало нехорошо.

К нам подходит один из официантов, обносящих гостей шампанским. По залу пробегает шепот. Заслоняя рты руками, все повторяют чьи-то имена. Это затишье перед сенсацией.

Мне любопытно узнать, какая сплетня так заинтересовала собравшихся, и я нахожу в толпе Золотого Мальчика, чтобы...

Он стоит рядом с оркестром. С ним пожилая пара и еще какая-то женщина.

Вот это да!

Искать у нее недостатки не стоит: это бессмысленно и окажется не в мою пользу. Ее предки явно приплыли в Америку на огромном корабле в числе первых поселенцев, ее светлые волосы и тонкие черты лица идеально дополняют внешность Золотого Мальчика. Платье на ней – последний писк моды, а бриллианты точно не фальшивка. На губах милая улыбка.

Почему бы ей не улыбаться?

Вместе со всеми я поднимаю бокал за счастливую пару: отец невесты только что объявил о помолвке дочери с Николасом Рэндольфом Престоном III. Он не просто один из Престонов, он тот самый Престон – сенатор, который, по слухам, однажды может стать президентом.

Наши взгляды встречаются. Я должна была за милю почуять, кто он такой!

Все в жизни в конечном счете подчиняется времени: в декабре 1958 года твой мир – это вечеринки и магазины, 1 января 1959 года – это солдаты, ружья и смерть. Ты встречаешь на балконе мужчину и на секунду забываешься, но тебе тут же напоминают о том, как переменчива судьба.

Я осушаю бокал шампанского одним махом, хотя это не совсем подобает леди.

А потом я вижу *его* — того, ради кого сюда пришла, – и все остальное перестает для меня что-либо значить.

В отличие от Николаса Престона этот человек маленький и толстый. Его нос выглядел бы уместнее на более крупном лице, на макушке наметилась лысина. Смокинг он носит так, будто вот-вот задохнется. Как мне удалось выяснить, на подобные вечеринки его приглашают только по одной причине: здешние благотворители обожают его жену, чья девичья фамилия передается по залу почтительным шепотом. А он сам, муж, явно предпочитает держаться в тени. Все в нем подтверждает те сведения, которые я получила: это человек, который не побоится, если надо, закатать рукава и испачкать руки. Ему нравится двигать сильных мира сего, как пешки по шахматной доске.

Его фамилия Дуайер, он из латиноамериканского отдела ЦРУ.

Когда Николас Рэндольф Престон III – сенатор и без пяти минут женатый мужчина – спросил, что бы я сделала, если бы у меня осталось всего несколько минут свободы, я солгала. Одним моментом я бы действительно насладились, зато потом боролась бы изо всех сил, чтобы больше у меня ее никогда не отнимали.

Как ни приятно танцевать с принцами под луной, у меня здесь есть дело поважнее. Я должна встретиться с человеком, который поможет мне отомстить за моего брата Алехандро и убить Фиделя Кастро.

Глава 2

Тот же балкон. Другой мужчина. Тот же оценивающий взгляд, только без искры восхищения и без блеска привлекательности. Хотя музыка по-прежнему доносится из зала, танцевать мы точно не будем.

– Насколько я понимаю, у нас общий враг, – говорит мистер Дуайер.

На его грубо обтесанном лице осторожная маска. Он оглядывает меня с ног до головы, причем делает это профессионально. Передо мной настоящий шпион: сосредоточенный, твердый, способный приспособиться к любой ситуации.

ЦРУ играет в жизни Латинской Америки кровавую роль. В кругах, где я теперь вращаюсь, став преемницей погибшего брата, ходят слухи об участии разведки США в таких событиях, как переворот в Гватемале.

– Да, – говорю я.

– И вы думаете, вы можете с ним что-то сделать?

Дуайер достает из золотого портсигара тонкую сигарету. Щелкает зажигалка, тоже золотая, с гравировкой, и бумага начинает потрескивать. В воздух поднимается первое облачко дыма. Головокружительный запах табака наполняет балкон, смешиваясь с ароматом духов, которые я нанесла на запястья.

– Да.

Может показаться, что сейчас на этом балконе уместнее стоять не мне, двадцатидвухлетней девушке, а кому-нибудь вроде моего отца – человеку, всю жизнь посвятившему преумножению своей силы и власти. Но на самом деле именно мой возраст и мой пол превращают меня в эффективное оружие. Нужен кто-то, кто сможет подобраться к Фиделю близко, заинтересовать его и при этом не вызвать никаких подозрений. А разве власть имущие относятся к кому-нибудь менее серьезно, чем к женщинам, тем более молоденьким? Кроме того, Фидель, как известно, падок на женскую красоту – это один из его многочисленных пороков.

– В Гаване вы были связаны с повстанцами, – говорит Дуайер, и в его жестком взгляде читается неодобрение.

Отношения ЦРУ с бывшим кубинским президентом Батистой были, мягко говоря, запутанными. На протяжении долгого времени мы, то есть я и мне подобные, усложняли их, как могли, создавая американской разведке заслуженные проблемы.

Однако на войне порой складываются странные союзы.

– Да, – отвечаю я.

– Из-за брата?

Возможно, Дуайер рассчитывает обескуражить меня своей осведомленностью, но я не удивлена, что они знают о смерти Алехандро и о его участии в революции. Американцы много лет вмешивались в дела Кубы, и их махинации были на руку таким, как Батиста.

– Поначалу да, – отвечаю я сухо.

По морщинам Дуайера расплзается улыбка. Это движение кажется неестественным для его малоподвижного лица.

– Мисс Перес, вы попросили о встрече, и если хотите убедить меня в том, что это не напрасная трата времени, то можете начинать.

На Кубе люди страдают и гибнут, а этот человек стоит передо мной в смокинге и лениво обдумывает государственный переворот, покуривая сигарету. Оттого что он, похоже, получает удовольствие от процесса, ситуация выглядит еще оскорбительнее.

– Вы бы не согласились со мной встретиться, если бы не были на грани отчаяния, – говорю я и с каждым словом чувствую себя увереннее. – Раз сейчас вы здесь стоите, значит, вам нужен нестандартный способ подобраться к Фиделю, потому что все ваши дипломатические поплз-

новения встретили с его стороны решительный отпор. Я рискую всем: своей репутацией, репутацией семьи, даже жизнью. И это ваша задача – объяснить мне, что вы нужны мне больше, чем я вам. Я запросто могла бы найти мужчину, который наденет мне кольцо на палец и купит особняк, а весь мир пускай себе горит. У вас же не все так просто: коммунисты дышат в затылок, и, если Латинская Америка погибнет, вам тоже не сносить головы. Это в ваших интересах – что-то сделать с пороховой бочкой, которая находится в девяноста милях от вашего берега. Это вам нужна Куба. И я. Давайте не будем недооценивать интеллекта друг друга, делая вид, что не понимаем этого.

Дуайер склоняет голову, окутанную табачным дымом, в насмешливом выражении почтения.

– Эдуардо прав: у вас не просто милое личико.

Эдуардо Диас, сын друга моего отца, организовал для меня эту встречу. Он один из тех, кто помог нашей семье акклиматизироваться в Соединенных Штатах.

Дуайер затягивается.

– Хорошо, начнем разговор по-другому. Почему вы считаете, что сможете приблизиться к Кастро?

– Потому что он мужчина.

Разве этого не достаточно? Если в моей коллекции уже пять предложений руки и сердца, то, наверное, я имею некоторое представление о том, как обращаться с противоположным полом.

– Вы с ним знакомы? Он был в числе ваших поклонников?

Я в очередной раз убеждаюсь, что моя слава идет впереди меня.

– Нет, он не имел такого удовольствия. Зато несколько раз я виделась с Че Геварой.

– И Гевара вам доверяет?

Я позволяю себе очень неизящно фыркнуть.

– Вряд ли. Думаю, ему вообще нет до меня особого дела, но это ведь хорошо, не так ли? Для них я девушка из светской хроники, одна из пресловутых сахарных королев. Таких, как я, они презирают, но устоять против нас не могут. Угрозы во мне они не увидят, а досадить моему отцу непременно захотят. Это следует из раздутости их эго и неприязни к семье, на которую указывает моя фамилия. К тому же...

Я замолкаю: договаривать нет смысла. Что революционеры, что тираны – все они в конечном счете мужчины, и руководит ими не интеллект.

Дуайер еще раз окидывает взглядом подчеркнутые изгибы моего тела. От него не укрывается то, что для нашей семьи настали не лучшие времена: платье не самое модное, туфли подобраны плохо, на шее блестящие стекляшки.

Какую бы горделивую позу я ни приняла, я тоже кое в чем заинтересована, и он это знает.

– И как вы предполагаете к нему подобраться? Для этого вам нужно вернуться на Кубу?

Он дразнит меня, как ребенка конфеткой. Чего бы я только не отдала, чтобы вернуться в то единственное место на земле, где я чувствую себя как дома! Чтобы встретиться с друзьями и родственниками, чтобы прекратилось бесконечное ожидание.

– Наверное, – говорю я. – Или можно дождаться, когда он приедет сюда с дипломатическим визитом.

Кастро уже приглашали в Штаты в апреле, через три месяца после прихода к власти. Президент Эйзенхауэр, к своей чести, его не принял, зато он встретился с вице-президентом Никсоном, и, судя по тому, что Дуайер стоит сейчас передо мной, встречу нельзя назвать удачной.

– Кастро – человек не безрассудный. Жизнью, во всяком случае, рисковать не станет. Добраться до него, даже с вашими чарами, будет нелегко.

– Легкость мне и не нужна. Мне нужен шанс.

– А о возможном провале вы подумали? Его охрана, если поймает вас, может убить. И, вероятно, убьет. Ваша фамилия не везде вас защитит. К этому вы готовы?

– В случае провала меня убьют. Уверяю вас, я понимаю. Я бы не стала в это ввязываться, если бы не знала, каковы ставки.

– Не думал я, что вы идеалистка.

Слово «идеалистка» звучит у него как ругательство.

– И правильно делали.

– Ваш брат...

– О брате я ни с кем не говорю. Этого вы от меня не добьетесь.

Алехандро первым увидел трещины в той жизни, которой мы жили на Кубе до революции, и вслух сказал о них за обеденным столом. Он был возмущен тем, что наша семья наслаждается комфортом, когда вокруг столько людей страдает. Вступив в Федерацию студентов университетов Кубы, Алехандро присоединился к движению сопротивления и принял участие в штурме президентского дворца, после чего отец от него отрекся. Большинство кубинцев смотрели на своего тогдашнего правителя сквозь отрицательную линзу, но наша семья предпочитала дружбу с Фульхенсио Батистой как с неизбежным злом.

Всю жизнь я везде следовала за Алехандро. Его гнев становился моим гневом, его мечты становились моими мечтами, его надежды – моими надеждами. Его смерть стала моей смертью.

Мы оставили Алехандро на Кубе, в склепе среди многочисленных родственников, под землей, на которой теперь хозяйничают его убийцы.

Я делаю глубокий вдох.

– Так вы заинтересованы в моей помощи?

Дуайер бросает сигарету на пол и гасит носком туфли.

– Может быть. Мы с вами свяжемся.

Отрывисто кивнув, он уходит. Я остаюсь на балконе одна, между надеждой и отчаянием.

После замужества Элизы в доме с родителями остались только Изабелла, Мария и я. Мария ходит в школу, а мы с Изабеллой не знаем, куда девать время. Занимаемся благотворительностью и церковными делами, я вот втянулась еще и в «факультативную» политическую деятельность. И все-таки наша жизнь кажется мне бессцельной. Я пытаюсь добиться от отца, чтобы он разрешил нам поступить в университет, и предлагаю помощь в возрождении нашей сахарной компании, почти уничтоженной революцией Фиделя.

Восемь месяцев назад на Кубе был издан закон об аграрной реформе, который ограничил площадь частных земельных владений, чтобы перераспределить «излишки» или просто конфисковать их в пользу правительства. Один росчерк пера разрушил все, что семьи, подобные моей, строили веками. Но это еще не самое страшное: судя по слухам, долетающим до нас из нашей страны, тысячи моих соотечественников томятся в тюрьмах, подвергаются пыткам, погибают.

– Будьте осторожны.

Услышав этот голос, я вздрагиваю и оборачиваюсь. Оборачиваюсь медленно: отчасти из женского тщеславия, но прежде всего, чтобы голова успела проясниться.

Хотя теперь я знаю, кто он, и знаю о его предстоящей женитьбе, он не стал менее блистательным. Единственное, что сейчас портит его красивое лицо, – это хмурый взгляд, направленный на меня.

– Дуайер из тех, кого нежелательно настраивать против себя, – говорит Николас Престон предостерегающе.

При том, какое влиятельное положение он занимает в правительстве, я не удивляюсь знакомству Престона с человеком из ЦРУ. Увидев в его глазах интерес, не удивляюсь я и тому, что в разгар праздника по случаю своей помолвки он проследил за мной, когда я исчезла из

бального зала. Мне неприятны его слова, его предостерегающая интонация и то, что он считает, будто меня нужно оберегать.

– Я сама в состоянии о себе позаботиться.

– Пожалуй. И все же это не значит, что вам не следует осторожнее выбирать для себя компанию. Дуайер не постесняется использовать вас в своих целях и не станет слишком беспокоиться о вашей судьбе. С ним шутки плохи.

– А я и не шучу.

Слова Николаса Престона напоминают мне то, что говорят мои родители: ставя передо мной барьеры, они напоминают мне о статусе нашей семьи, о необходимости выгодного замужества, о важности продвижения по общественной лестнице.

Он делает шаг вперед, я слегка наклоняю голову набок и пристально смотрю на него.

– Разве здесь вы должны сейчас быть, сенатор Престон? Ваша невеста вряд ли будет довольна тем, что вы озабочены делами другой женщины. Тем более такой, как я.

В этом тихом островном городке я слышу скандальной особой.

Когда я произношу слово «невеста», его щека нервно дергается, а от слова «озабочены» он содрогается всем телом. Я улыбаюсь, показывая зубы.

– Я ведь уже сказала вам, что могу позаботиться о себе сама.

Воцаряется тишина. Он сухо кивает. От непринужденности, которая была между нами раньше, не осталось и следа.

– Разумеется. Извините за вмешательство. – В его тоне слышится насмешка, а изгиб губ словно бы говорит: «Я тоже кусаюсь». – Вы правы: моя невеста меня ждет.

Оставив за собой последнее слово, причем очень эффектное, он опять показывает мне спину. Опять я наблюдаю редкое явление: мужчина от меня уходит.

Ни над одним из пяти предложений руки и сердца я даже не задумалась всерьез: те господа казались мне достаточно приятными или компенсировали свою неприятную внешность хорошим состоянием, но никто из них не заставил меня что бы то ни было почувствовать.

Они не пробирались ко мне под кожу и не будоражили меня.

Это сделал Николас Престон.

Глава 3

– Как вчера все прошло? – тихо спрашивает меня по-испански Эдуардо Диас, обводя переполненный ресторан беглым взглядом.

Мы обсуждаем организованную им встречу между мистером Дуайером и мной.

– Не знаю, – признаюсь я.

Бессмысленно врать человеку, которого я в детстве при помощи шантажа заставляла играть со мной в кукольное чаепитие. Эдуардо из тех друзей, которые воспринимаются почти как члены семьи.

– Ну, чем закончился ваш разговор?

– Мистер Дуайер сказал, что свяжется со мной. – Я понижаю голос. – По-моему, у ЦРУ нет четкого плана, как подобраться к Фиделю, и мысль о том, чтобы использовать меня, заинтриговала Дуайера.

Эдуардо делает глоток кофе, красивое лицо хмурится.

– Этого недостаточно.

– Он подозрительный: если бы я стала слишком наседать, он бы принял меня за какую-нибудь кубинскую агентку.

В последнее время Вашингтон и Гавана шпионят друг за другом особенно активно. По слухам, Фидель внедряет своих разведчиков в растущие эмигрантские круги.

– Пожалуй, – соглашается Эдуардо и, сделав еще глоток, откидывается на спинку стула.

Как только он ставит чашку на стол, официантка подбегает, чтобы ее наполнить. Он награждает девушку своей фирменной улыбкой. Женщины без конца влюбляются в Эдуардо Диаса, и, боюсь, это ужасная ошибка. Он эгоистичный паразит, хотя и очень обаятельный. Сейчас он полностью сосредоточен на нашем деле и не позволит паре красивых глазок или других прелестей себя отвлечь. Как бы он ни любил женщин, Кубу он любит больше.

Щеки официантки розовеют. Она покидает нас, наполнив чашку Эдуардо до краев.

– Я слышал, у тебя вчера появился новый поклонник.

– Думаю, даже не один. Я старательно разыгрывала из себя деву в беде – принцессу без трона, ждущую своего рыцаря, который убьет ради нее дракона. Мужчины обожают всякую такую чепуху.

Эдуардо улыбается.

– Некоторые.

– А ты не собираешься сражаться с драконами?

– Ты же знаешь, как я не люблю пачкать руки.

– Полагаю, кое-кто из американцев, которые были вчера на приеме, менее брезглив, чем ты.

Говорят, Николас Престон – герой войны.

Взгляд Эдуардо становится пристальнее.

– К разговору о вчерашнем приеме. Тебе сделали предложение?

Он сам на вечеринке не был, но кроме меня у него явно есть другие глаза и уши, при помощи которых он наблюдает за светской жизнью Палм-Бич.

– Ты мог бы ходить на эти вечеринки, а не полагаться на свою маленькую шпионскую сеть.

– Вчера я играл в карты, и это предприятие принесло мне немалую выгоду.

– Карты? Теперь это так называется? Я думаю, у тебя вчера были другие, так сказать, занятия.

Эдуардо занимает в обществе завидное положение. Несмотря на временные финансовые затруднения, он считается завидным холостяком. Скучающие жены и амбициозные матери

очень ценят его компанию: он красив, его манеры безупречны, сшитый по мерке смокинг всегда наготове.

– Что я могу поделывать, если все находят меня неотразимым? – смеется он.

– Ох, перестань, пожалуйста. Для таких разговоров еще слишком рано, а я вчера поздно легла.

– Значит, не я один интересно провел вечер.

Слово «интересно» приобретает в устах Эдуардо довольно пикантное звучание.

– Вряд ли мой вечер был так же «интересен», как твой. Я ушла домой с родителями и сестрами, а ты? С тоскующей вдовушкой или с подающей надежды певицей кабаре? Или, может быть, с молодой женой, которую старый муж не понимает?

– Не скромничай. Подозреваю, ты провела вечер в еще более интересной компании, чем я.

Мои щеки вспыхивают. Мы с Эдуардо не родственники, но он всегда умел действовать мне на нервы именно так, как это делают старшие братья и сестры.

– Понятия не имею, о чем ты.

– А по-моему, имеешь. – Его лицо становится серьезным: – Это мощный американский клан, Беатрис. Они очень влиятельны в политике.

– Они – да, но он приходится им каким-то дальним родственником и вряд ли влияет на политические решения.

– Я не о предложении руки и сердца. Я о том, что на тебя обратил внимание сенатор.

– У тебя шпионы среди обслуживающего персонала подобных вечеринок или ты завербовал кого-то из гостей? – спрашиваю я холодно.

– Ты же знаешь: я не выдаю свои секреты.

– Мы просто потанцевали.

– Разумеется.

– Один танец, и все! – настаиваю я.

– По моим сведениям, он весь вечер глаз с тебя не сводил.

Эти слова не должны доставлять мне удовольствие, но доставляют.

– Весь вечер он праздновал свою помолвку.

– У мужчин, которые собираются жениться, тоже есть глаза.

– Какая прелесть! Донжуан – это как раз то, что мне нужно.

– Это действительно то, что нужно. По крайней мере, для наших целей. О его симпатичной невесте не беспокойся. Подумай лучше о том, Беатрис, что однажды нам может понадобиться его голос в сенате.

Я делаю над собой усилие, чтобы мои слова прозвучали непринужденно:

– Рассчитывать на голос в сенате после одного танца?! Ну у тебя и амбиции! К тому же я думала, мы собираемся убить Фиделя, а не уморить законодательными актами.

– Никакими возможностями не следует пренебрегать. Сегодня будет еще одна вечеринка. Сенатор Престон должен прийти. Почему бы тебе не попробовать его соблазнить? Вдруг из этого что-то получится?

Я прищуриваюсь, в голосе звучат стальные нотки.

– Я не продаюсь. Я здесь, чтобы убить Фиделя, а не чтобы через постель политиков помогать тебе в решении финансовых проблем.

– Я думал, ты здесь ради Алехандро, – возражает Эдуардо, несколько не смутившись.

Странное дело! Люди бросаются именем моего брата, как будто стоит им потянуть за эту ниточку, я тут же кинусь исполнять их волю. Но вообще-то можно кого-то любить и при этом оставаться здравомыслящим человеком.

– Что до моих финансовых проблем, – прибавляет Эдуардо, – то речь совсем не о них. Разве ты не хотела бы лучшей жизни для себя самой, для родителей и сестер?

– Я не намерена спать с сенатором Престоном ни ради тебя, ни ради памяти Алехандро, ни из-за того, что мне и моим сестрам приходится по многу раз надевать одни и те же платья. Есть другие способы победить Фиделя. Наконец, я лучше, чем кто-либо другой, знала своего брата и не сомневаюсь: он был бы против того, чтобы во имя нашего дела я занималась проституцией.

Как бы много революция ни отняла у наших семей, воспитание все же остается при нас, поэтому мои слова не могут не смутить Эдуардо хотя бы на секунду.

– Хорошо. Не спи с ним. Просто посмотри, что получится, если тебе удастся удержать его интерес. Может, в таком случае он будет более склонен помогать нам.

– Он женится, – напоминаю я Эдуардо, а заодно и себе самой (это для меня совсем не лишнее, при том, с каким удовольствием я вспоминаю вчерашний танец на балконе).

Неужели Николас Престон действительно весь вечер на меня смотрел?

– А ты Беатрис Перес, – парирует Эдуардо.

– Я не собираюсь портить человеку жизнь или расстраивать свадьбу. Не хочу, чтобы из-за меня страдали невинные люди.

– Он американский политик. Где он и где невинность? Руки американцев давно запачканы грязью. Итак, вечеринка сегодня. Твой сенатор Престон там будет. Я тоже. Составь мне компанию.

Я колеблюсь. Эдуардо улыбается.

– Что такого, если ты попробуешь? Сама же сказала: вы только потанцевали.

В его пронизательно блестящих темно-карих глазах одновременно читаются и вызов, и просьба. Вот ведь хитрый черт! Мы оба знаем, что безнадежные дела – это для меня непреодолимый соблазн и что трудностей я никогда не боялась.

* * *

Компания собралась не такая, как на вчерашнем приеме: нет матрон, нет пожилых пар. Знакомые лица есть, но в целом публика совсем не та, что бывает на вечеринках, куда я хожу с родителями.

– Выглядишь великолепно, – шепчет Эдуардо, когда мы рука об руку входим в зал.

– Может быть, но меня несколько смущает то, как ты это говоришь.

– А как я это говорю?

– Я чувствую себя куском мяса, которым ты трясешь у них перед носом.

Эдуардо усмехается, и его ленивая улыбка привлекает внимание большинства присутствующих женщин. Если кто-то из них еще не успел меня возненавидеть, то сейчас я наверняка восстановила против себя всех, появившись в свете под ручку с одним из самых эффектных холостяков сезона.

– Пока ты была на Кубе, мне тебя ужасно не хватало, – пробормотал Эдуардо с ласковой снисходительностью старого друга или любовника.

Он эмигрировал раньше нас. До того, как президент Батиста бежал, предоставив нам проснуться новогодним утром в руках Фиделя. За несколько лет Эдуардо пришлось раздать немало взяток разным чиновникам, и мне всегда было интересно, помогло ли это ему подготовиться к тем переменам, которые охватили Кубу.

– В последнее время женщины не переставая мне льстят, – добавляет он, улыбаясь. – Честное слово, это утомляет.

Сдержавшись, чтобы не фыркнуть, я отрываю взгляд от его лица и изучаю толпу.

У меня перехватывает дыхание.

Те самые голубые глаза впиваются в мои, Эдуардо моментально забыт.

Невесты поблизости не видно. Может, она здесь, просто они не из тех пар, которые везде ходят в обнимку. Или, скорее всего, она, как большинство незамужних молодых леди из хороших семей, отправилась с родителями на другую вечеринку, более респектабельную.

Николас Престон сегодня так же красив, как вчера. Вместо смокинга на нем менее парадный костюм, белизна воротничка подчеркивает ровный загар.

Зимой, спасаясь от северного холода, в Палм-Бич съезжается самое утонченное общество. Легко представить себе, как сенатор Престон играет в гольф с Кеннеди под утренним солнцем Флориды или бродит на закате по пляжу. Наверняка он упоенно занимается каким-нибудь спортом: плавает на паруснике, летает на самолете, играет в поло верхом на пони из какого-нибудь шикарного поместья или ему нет равных в теннисе.

Эдуардо приветствует хозяина – наследника крупной газеты, чья фамилия увековечена в «Светском альманахе». Для моей матери это что-то вроде Библии: она штудировала списки почтенных семейств в поисках мужчин, за которых можно было бы выдать непристроенных дочерей.

Николас Престон продолжает смотреть на меня: на мое декольте, на руки Эдуардо, которые прикасаются к моему телу. Когда мы идем к импровизированному танцполу, у меня по спине пробегают мурашки – так тяжел взгляд Николаса и так колки взгляды любопытных гостей. Вероятно, они заметили, что я привлекла внимание сенатора Престона. А может быть, дело в моем спутнике: в том, как наши смуглые лица гармонируют друг с другом и как фамильярно мы общаемся между собой (наверное, многие думают, будто я его любовница).

– Он хочет тебя пригласить, – предупреждает Эдуардо, прежде чем закружить меня.

Я выглядываю из-за его плеча.

Николас Престон по-прежнему смотрит. Я ощущаю холодок, пробегающий по коже, и легкое головокружение от танца. Или не от танца, а от этого мужчины, от моих тайных намерений, от желаний, притаившихся внутри.

Я хочу, чтобы Николас Престон пересек зал и пригласил меня, хочу почувствовать себя обыкновенной двадцатидвухлетней девушкой – такой, какой я была раньше.

Я хочу только потанцевать с ним. Ну хорошо, еще, может быть, немного пофлиртовать.

Песня заканчивается. Больше я на него не оглядываюсь. Для этого мне приходится сделать над собой титаническое усилие, потому что я ощущаю его взгляд, почти как физическое прикосновение. Эдуардо прав: Николас Престон действительно не отрывает от меня взгляда.

Ни на секунду.

Подмигнув мне, Эдуардо уходит за шампанским. Я остаюсь в углу зала одна и через полминуты слышу:

– Давайте потанцуем.

При звуке этого плавного уверенного голоса я вздергиваю бровь и с трудом прячу улыбку. Он нравится мне еще сильнее оттого, что тоже действует как будто бы против собственной воли. Как будто мы два магнита, которые притягиваются друг к другу. Он высокомерен, но его гордость смягчается тяжестью взгляда, сопровождающего меня весь вечер.

– Сегодня вы изъясняетесь не так изящно, как в прошлый раз. Как вы меня называли вчера? Похитительницей сердец?

Он улыбнулся.

– Я не думал, что это на вас подействовало.

Не найдясь, что ответить, я говорю:

– Пойдут слухи.

– Пойдут.

– А в этом году выборы.

Он смеется.

– Какие-нибудь выборы бывают каждый год.

– У вас есть невеста.

– Есть, но вы не беспокойтесь: от одного танца я голову не потеряю.

Я с улыбкой отбиваю его словесную подачу.

– Зато я могу.

На щеке мелькает ямочка, ко мне протягивается рука, на которой пока еще нет тяжелого золотого кольца.

– Может, все-таки рискнем?

Я отвечаю не сразу. Это не просто кокетство: я действительно могу навредить своей репутации. И все-таки мне не хватает сил, чтобы отказать себе в таком удовольствии.

Моя рука опускается на его ладонь, наши пальцы переплетаются.

По залу пробегает шепот, кто-то приглушенно ахает. Такая реакция может показаться странной, если учесть, что вокруг нас полно танцующих, не состоящих в законном браке.

Но за прошедший год я поняла: для тех, кто принадлежит к этому кругу с рождения, и для тех, кто вторгся в него, как я, действуют разные правила. Если вчерашнее предложение Эндрю насторожило их, то теперь они, наверное, взбесятся. Для любой незамужней (или даже замужней) женщины Палм-Бич Николас Рэндольф Престон III – это вершина социальной пирамиды. Он пик, к которому они стремятся.

Он как будто бы не замечает ни взглядов, ни шушуканья. Его движения спокойны и уверенны. И в то же время я не могу не заметить, что он на секунду перестает дышать, кладя руку мне на талию.

– Как вам сегодняшний вечер? – спрашивает он.

Я смотрю на него испытующе.

– Пока мы с вами танцуем, нам обязательно вести вежливую беседу?

– А вы предпочли бы невежливую?

– Может быть. Смотря о чем.

– Думаю, разговор начался бы с вашего платья и им же закончился бы.

– А что? Очень хорошее платье, – говорю я, и то, что скрыто под этим самым платьем, краснеет.

Такой туалет с гордостью надела бы сама Мэрилин Монро. Облегающая ткань идеально подчеркивает фигуру, которой наградил меня Бог. Моя мать не сразу одобрила этот откровенный наряд: желание выдать дочерей замуж боролось в ней с боязнью сплетен, но, как часто бывает в подобных случаях, прагматический расчет военного стратега возобладал над любовью к благопристойности.

– Пытаетесь похитить мое сердце? – спрашивает мой партнер, шутливо изображая тревогу.

– Если только совсем чуть-чуть, – дразню его я. Мой взгляд пробегает по лицам других гостей и возвращается к нему. – Вчера мы с вами так расстались, что я подумала, вы на меня сердитесь.

– Мне кажется, мы недостаточно давно знакомы, чтобы сердиться друг на друга.

– Верно, – соглашаюсь я. – Формально мы, по-моему, не знакомы вообще.

– Так давайте это исправим. Друзья зовут меня Ник.

Я верчу это имя в уме, наслаждаясь тем, как звучит неофициальное имя официального лица. Скольким женщинам довелось так его называть? Видеть его с человеческой стороны?

– А мы будем дружить?

– Вроде того. – Взгляд моего партнера становится задумчивым. – Хотя сегодня, кажется, при вас уже есть друг.

Невозможно не расслышать вопроса, завуалированного в этих словах.

– Эдуардо действительно друг. Старый добрый друг семьи. Он мне почти как брат.

Почти, однако не совсем.

– И интересы у него, я полагаю, те же?

Об этом легко забыть, но за золотым фасадом, на который я сейчас смотрю, стоит политик – член нескольких влиятельных сенатских комитетов. Эдуардо прав: Ник Престон мог бы быть для нас ценным союзником.

– Хотите вытащить из меня сразу все секреты? – говорю я.

– Ни в коем случае. Мне тридцать семь лет, и я умею быть терпеливым. Я понимаю: ваши секреты лучше вытаскивать не все сразу, а по одному.

– Я не думала, что вы такой старый! – Забыв об этикете и не обращая внимания на гул любопытной толпы, я осмысливаю этот важный для меня факт: неудивительно, что Николас Престон торопится жениться!

– Тридцать семь лет – разве это старость в наше время?

– По меркам того, кому двадцать два, – да.

Он улыбается.

– Вот и первый ваш секрет.

– Мой возраст – никакой не секрет.

– Пожалуй. И все-таки это кое-что о вас, еще одна частичка мозаики. К тому же у меня такое чувство, будто ваша душа старше вас самой.

Я соглашаюсь.

– Наверное, мало кому удастся пережить революцию, сохранив детскую наивность и чистоту.

– Вы правы, война не способствует процветанию этих добродетелей.

– Я слышала, вы воевали в Европе?

Он кивает, его взгляд становится более осторожным.

– Тогда вы знаете.

– Да.

Одно дело – сражаться на чужой земле, видеть вокруг себя смерть и разрушение, а потом вернуться в страну, которая, можно надеяться, никогда не будет доведена до такого безумия. Другое дело, когда весь этот кошмар происходит у тебя дома, когда умирают твои друзья и родные. Это еще тяжелее. И все-таки любая война есть война. От нее страдают все: и местное население, и иностранцы.

– Трудно говорить с человеком, который ничего подобного не пережил. Который не видел того, что видели вы.

Он кивает.

– Как там было? На фронте? Вы служили в авиации?

– Я столкнулся с тем, к чему жизнь меня совершенно не готовила. Поначалу очень боялся взлетать. А потом в первый раз сбил самолет... значит, убил человека... – его голос на секунду прерывается. – Не думал я, что к такому можно привыкнуть. Тем не менее со временем привыкаешь. При каждом взлете ты знаешь, что можешь умереть, но миришься с этой мыслью. Сидишь вечером с кем-то рядом в баре, а завтра этот человек может уже не прийти, и это кажется нормальным. Ну а потом все вдруг заканчивается: ты жив и чудесным образом возвращаешься домой. Все тебя благодарят, называют героем, а ты пытаешься снова найти для себя место в этой жизни. – Наши взгляды встречаются. – Ты ходишь на балы и вечеринки, пьешь шампанское, танцуешь с симпатичными девушками, но часть тебя остается там – среди бомб. Ты думаешь о жизнях, которые мог спасти и не спас, о сыновьях, мужьях и отцах, которые должны были вернуться, но не вернулись. Ты начинаешь спрашивать себя, почему ты выжил, если все те люди – хорошие люди – не выжили, какой в этом смысл и что ты должен сделать, чтобы оплатить свой долг. Подобные мысли гложут тебя, их трудно выкинуть из головы. И трудно найти человека, который поймет.

Есть ли у меня хоть какой-то шанс?

Мне было гораздо проще, когда я могла относиться к нему просто как к плейбою с Палм-Бич, у которого форма преобладает над содержанием, привилегии над ответственностью. Но сейчас я вижу правду: она маячит в его голубых глазах. Он не здесь, а в другом месте и в другом времени, среди образов, которые мучают его и которые невозможно стереть из памяти, среди звуков, от которых он просыпается по ночам в холодном поту.

Я по-прежнему слышу выстрелы в стенах крепости Ла Кабанья, чувствую запах смерти, сырости и тюремной грязи. Меня часто будит рев толпы на стадионе, где людей осуждали на смерть. Во мне навсегда поселилась песня страха с рефреном отчаяния: шум взлетающего самолета, глухой удар тела о землю, визг машины, уносящейся прочь.

– Мне очень жаль, – говорю я, прекрасно понимая, как мало утешения в моих словах.

– Я знаю.

Повисшая пауза заставляет меня почувствовать неловкость. Сейчас мне кажется, что он действительно открыл один из моих секретов – добрался до той боли, которая прячется под моей брильянтовой улыбкой.

– Они перестали на нас смотреть, – говорю я, стараясь заполнить тишину чем-нибудь нейтральным, безопасным.

– Кто?

– Другие гости.

На его лице появляется уже знакомая мне улыбка.

– Я и не заметил.

Музыка перестает играть, он замирает.

А мне не хочется останавливаться, не хочется отстраняться от него – это кажется противоестественным.

– Спасибо за танец, – говорит Ник.

После того, какими сокровенными воспоминаниями он со мной поделился, его тон кажется очень формальным. Маска снова надета.

Интересно, какую сторону себя он показывает своей невесте? Кого она знает и любит? Человека с тенями прошлого в глазах или уравновешенного джентльмена, стоящего сейчас передо мной?

Кто-то слегка прикасается к моему локтю. Оборачиваться мне не нужно: я знаю, что рядом со мной стоит Эдуардо. Выражение лица Ника это подтверждает. Он наклоняет голову, они с Эдуардо молча обмениваются взглядами поверх моей макушки. Я вижу их вместе и с поразительной ясностью ощущаю, что один из них еще мальчишка, а другой – мужчина.

Потом Ник уходит, как ушел накануне. Его широкоплечий длинноногий и длиннорукий силуэт грациозно удаляется.

Эдуардо протягивает мне бокал шампанского. Я беру хрустальную ножку дрожащими пальцами.

– Мне его почти жалко, – говорит Эдуардо.

Я смотрю Нику в спину, пока толпа не проглатывает его.

– Почему?

– Рано или поздно ты разобьешь ему сердце.

– Очень сомневаюсь.

Я бы скорее побоялась за свое сердце, если бы оно не было уже разбито.

Глава 4

Ник Престон уехал – говорят, в Вашингтон, наращивать политический капитал перед ноябрьскими выборами. Проходят недели. Без него светская жизнь Палм-Бич невыносимо скучна. Его симпатичная невеста осталась здесь, и время от времени я мельком пересекаюсь с ней в круговороте вечеринок, но мы не разговариваем. Ее пасет целый сонм Престонов и Дэвисов. Благодаря громкой фамилии она живет в более высокой социальной сфере, чем та, где обитаю я.

Однажды февральским днем Эдуардо объявляется у меня на пороге с букетом орхидей – это мои любимые цветы. Я качаю головой, на моих губах играет улыбка. Несмотря на стесненные обстоятельства, Эдуардо верен себе: стиль для него – это искусство.

– Поехали, прокатимся, – говорит он после того, как мы обмениваемся приветствиями.

Цветы, которые он принес, явно следует рассматривать как взятку, а не как романтический жест, но он глубоко заблуждается, если думает, что меня можно купить за пару орхидей. С другой стороны, те приключения, которые Эдуардо гарантирует мне своим появлением, привлекают меня больше, чем перспектива весь день просидеть на диване, листая вместе с Изабеллой модные журналы и слушая жалобы матери на наше безнадежное положение. На сплетни о моем танце с Ником Престоном она не обратила почти никакого внимания. Если даже она понимает, насколько он для меня недостижим, значит, наши дела действительно плохи.

– Куда прокатимся? – спрашиваю я Эдуардо.

– К нашему общему другу, который изъявил желание с тобой встретиться. Твое предложение заинтересовало его, и он хочет обсудить некоторые вопросы.

После моего первого разговора с человеком из ЦРУ прошел целый месяц, и я уже не ждала ответа.

– Он согласился?

– Он явно заинтересован. Я пообещал ему, что ты с ним пообедаешь.

– А со мной посоветоваться не надо было?

– Я знал, как ты скучаешь и как жаждешь приключений. – Эдуардо открывает передо мной дверцу автомобиля. – Так ты едешь?

С цветами в руках я сажусь в машину.

* * *

Мы мчимся по шоссе, ветер треплет мне волосы. На мой вкус, сегодня холодновато. Американцы зимой съезжаются в Палм-Бич, чтобы погреться, и все-таки здесь не Куба с ее тропическим климатом. Я хочу попросить Эдуардо поднять верх кабриолета, но на очередном лихом повороте эта просьба застревает у меня в горле.

К вождению машины Эдуардо относится та же легко, как и ко всему остальному в жизни. Беззаботность – это одновременно и лучшая, и худшая его черта. Она может открыть море новых возможностей, но может и привести к трагической ошибке. Несколько лет назад я была к нему немного равнодушна. Если учесть, какое место он занимал в тогдашнем круге моего общения, то мою влюбленность в него можно считать неизбежным этапом взросления. Будучи на три года старше, он казался мне умудренным опытом, а близость между нашими семьями давала ощущение комфорта и безопасности. Когда мы жили на Кубе, он всегда был поблизости и вошел в мои воспоминания так же прочно, как шум прибоя на набережной Малекон, смех сестер или голос брата.

Однажды в детстве, играя с Эдуардо во дворике нашего дома в Мирамаре, я украдкой его поцеловала и взяла с него клятву молчать. Какой шум бы поднялся, если бы об этом узнал Алехандро! Интересно, Эдуардо хоть помнит тот случай? Мои воспоминания смутные: кажется, это было ужасно давно и как будто даже не со мной.

– Где вы назначили встречу? – спрашиваю я, перекрикивая ветер и волны.

– В «Юпитере», в маленьком ресторанчике – ничего особенного. Он посчитал, так будет лучше, – кричит Эдуардо в ответ.

– Ты хорошо знаешь мистера Дуайера?

– Почти совсем не знаю, – признается Эдуардо, барабанив пальцами по рулю.

Маленький автомобиль поворачивает так круто, что у меня подводит живот. Быструю езду я вообще-то люблю, только не хочется завтра проснуться простуженной. Почему все то, что весело, бывает вредно для здоровья?

– И тем не менее ты ему доверяешь?

– Я бы так не сказал. Просто нам выбирать не приходится. Когда мы станем ему не нужны, он может нас выбросить, но пока наши интересы сходятся. Надеюсь, они будут сходить еще достаточно долго и мы с тобой успеем получить от этой сделки то, чего хотим.

– А если не успеем?

– Не знаю. Придумаем что-нибудь еще.

– Например?

– Посмотрим.

– У нас теперь есть друг от друга какие-то секреты?

Эдуардо бросает на меня косой взгляд.

– Это ты мне скажи. О чем вы с сенатором Престоном разговаривали, пока танцевали?

Я отворачиваюсь и смотрю на море.

– Ни о чем интересном.

Эдуардо тихо усмехается.

– Почему-то я тебе не верю. Я видел, как он на тебя смотрел. Это не было «ни о чем».

– Мы говорили о погоде, о вечеринке, о том, какой выдался сезон.

– Ну конечно.

Дальше мы едем молча. Я разглядываю пейзажи. Переезжая из Палм-Бич на материк, попадаешь в другой мир. Приятно на какое-то время оказаться в недостижимости для любопытных взглядов и смешков, а еще я несканно рада отдохнуть от матери. С каждым днем нашего изгнания нарастают ее уныние и тревога, как будто стены нашего дома смыкаются. Думаю, она не согласилась бы уехать с Кубы, если бы знала, что это так надолго. Но и остаться мы не могли. Алехандро погиб, люди Фиделя схватили отца и грозились убить его тоже. Кто знает, что бы случилось с ним и со всеми нами, если бы мы не спаслись бегством?

Вот мы подъехали к ресторанчику. Эдуардо припарковал свой спортивный автомобиль на пыльной стоянке между «Олдсмобилем» и «Бьюиком». Других машин на парковке нет. Здание очень мало напоминает элегантные рестораны Палм-Бич. Вероятность, что меня здесь кто-то узнает, почти нулевая. Остатки моей репутации надежно защищены.

Эдуардо ведет меня ко входу и поддерживает, когда камешек попадает мне под каблук и я едва не падаю, подняв облако пыли.

– Здесь я тебя оставлю.

– Ты шутишь?

Он качает головой.

– Я только посредник. Говорить он хочет с тобой одной. Буду ждать в машине, чтобы потом отвезти домой.

Я, конечно, уже встречалась с мистером Дуайером наедине, но тогда, на балконе бального зала, это было совсем по-другому. Сейчас мне куда менее комфортно. Я в нерешительности

стою на пороге заведения, к которому моя мать не подпустила бы ни меня, ни моих сестер. Дверь обита, через стекло виден далеко не самый воодушевляющий интерьер.

Эдуардо наклоняется и целует меня в висок.

– Ты справишься.

Он открывает передо мной дверь, я переступаю порог и, вытирая потные ладони о юбку, лихорадочно оглядываю зал.

С тех пор как Гавану охватила революция, Алехандро убили, а я стала спрашивать себя, не придут ли однажды и за мной, я живу словно бы на краю пропасти. При Батисте мы находились в состоянии конфликта столько лет, что привыкли к нему и чувствовали себя в относительной безопасности: нужно только проявлять элементарный здравый смысл, не делать рискованных движений, и связи отца уберегут нас от беды. Алехандро удерживал меня в шаге или двух от повстанческого движения, защищая от гнева Батисты. Но пришел Фидель, и все изменилось: наша собственная фамилия стала для нас угрозой. Гибель брата перевернула мой взгляд на мир. Теперь, входя в комнату, я первым делом ищу опасность.

Ресторан почти пустой. За одним столиком сидят два пожилых джентльмена с газетами и кофе. В другом конце, на диванчике, расположился мистер Дуайер – кукловод из ЦРУ.

При моем приближении он даже не отрывает взгляда от газеты и кофейной кружки. Я подсаживаюсь к нему с фамильной грацией, которая до сих пор никогда меня не подводила. Сейчас мне остается лишь делать вид, что ладони у меня не потеют, а колени под юбками не трясутся.

– Мистер Дуайер?

Он поднимает глаза: наверняка он видел меня с того самого момента, как я вошла.

– Мисс Перес.

Официантка подходит, принимает у меня заказ и приносит кофе.

– Зачем вы меня позвали?

– Я обсудил ваше предложение с коллегами, – говорит он и делает маленький глоток. – Они заинтригованы.

Я подаюсь вперед и понижаю голос: теперь мне самой нужно кое-что выведать.

– Как обстоят дела с Фиделем?

Не живя в Гаване и полагаясь лишь на чужие слова, трудно быть в курсе того, какие настроения царят в стране, о чем говорят на улицах.

– Неважно, – признается мистер Дуайер, помолчав. – Мы пытались создать безопасный канал связи между Вашингтоном и Гаваной. Не получилось.

Уже довольно давно над всеми нашими планами маячит, как привидение, боязнь того, что Соединенные Штаты признают действующий режим легитимным и бросят нас, кубинцев, на произвол судьбы. Пока все попытки свергнуть Фиделя опираются на поддержку американцев или по крайней мере основываются на предпосылке, что Америка не придет Фиделю на помощь. При Батисте мы на горьком опыте усвоили: США – грозный союзник, чьи ресурсы кажутся неисчерпаемыми.

– Неудивительно, – говорю я. – Фидель не из тех, кому нравится чье-то вмешательство в его дела.

– В таком случае за его поддержку не проголосуют.

– Он не позволит легко себя приручить, – предостерегаю я.

Некоторые из нас считали, что Фиделя можно сначала использовать для свержения Батисты, а потом отстранить от власти. Многие мои братья и сестры по оружию связывали с ним надежду на те перемены, которые были нам так нужны. Но он не оправдал ожиданий, и его отстранение стало необходимостью. К сожалению, он оказался более стойким, чем кто-либо мог предположить. Американцам следовало усвоить этот урок уже сейчас.

– Фидель человек высокомерный, – продолжаю я. – Все они гордецы. Служить кому-то, преклонив колено, не в его натуре, и для компромиссов он тоже не рожден. Он не допустит, чтобы Куба вновь стала марионеткой Америки, как при Батисте. Да и люди, я думаю, этого не захотят.

– Именно потому что Фидель высокомерен, вы нам и нужны.

– Значит, теперь я вам нужна?

– Можете пригодиться.

– Почему только сейчас? Почему в январе прошлого года, когда в Гаване кровь лилась рекой, вы не вмешались, а теперь у вас вдруг возник интерес? Что вас подтолкнуло?

– Сахар, – отвечает Дуайер.

Аграрная реформа. Я сама должна была догадаться. Земля дает – Кастро забирает. Этот закон нанес нашей семье сокрушительный удар. За едой и за выпивкой отец до сих пор только и говорит, что о его несправедливости. Летом 1959 года кубинское правительство национализировало множество поместий и компаний, ограничив крупное землевладение и запретив привлечение иностранного капитала. Часть земли была разделена между простыми людьми, но львиную долю новая власть, по слухам, оставила себе.

– Мы надеялись, что он компенсирует американским компаниям потери, понесенные вследствие национализации, – продолжает Дуайер. – Надеялись наладить диалог, но он не хочет разумно разговаривать. Между тем коммунизм усиливает свои позиции, Куба пристраивается под крыло к Советскому Союзу. Тянуть время больше нельзя. Фидель стал чем-то вроде шипа у нас в боку, и надо его устранить. Если не удастся сделать это честными способами, мы не побрезгуем нечестными. – Он улыбается. – Я имею в виду только методы, а не сам инструмент.

– Ну конечно, – говорю я и, помолчав, спрашиваю: – Дело ведь не только в сахаре, верно?

В истории человечества, конечно, бывало, что войны велись и из-за меньшего, однако мне почему-то трудно себе представить, чтобы правительство США настолько озаботилось кубинской аграрной реформой, даже если она затронула интересы американских компаний. В обеспокоенность американских властей благополучием кубинцев я тоже не очень верю.

– Все сложно, – отвечает Дуайер. – Фидель общается с иностранными политиками, выражает заинтересованность в том, чтобы создать подобную ситуацию и в их странах тоже. – Я не удивлена. Дуайер продолжает: – Мы должны быть осторожны. На Кубе он популярен. Вы правы: нельзя, чтобы у людей сложилось впечатление, будто своим вмешательством мы возвращаем беды режима Батисты.

Я понимаю, о чем он говорит. Еще я понимаю, что, по иронии судьбы, добровольно содействую тому, с чем почти всю свою взрослую жизнь пыталась бороться. Когда американцы поддерживали Батисту, я считала их негодяями. Теперь мы объединяем силы, чтобы устранить Фиделя.

Мне вспоминается, что Эдуардо упоминал о своем тайном участии в неких действиях ЦРУ.

– У вас ведь есть и еще какие-то планы, разве не так? Мною дело не ограничивается?

– Эффективная дипломатия должна учитывать разные обстоятельства. Поэтому да, мы рассматриваем несколько других вариантов на случай вашего провала.

Поговаривают (и это не просто досужая болтовня), что планируется какая-то атака, попытка вырвать власть у Фиделя.

– Советский Союз становится для нас проблемой. Эта торговая сделка... Похоже, между Москвой и Гаваной намечается дружба. Если Фиделю удастся получить от Хрущева достаточно оружия, то все изменится. – Дуайер жестом показывает официантке, что хочет расплатиться за наши два кофе. – Сейчас мы занимаемся проработкой деталей. Я должен вернуться в Вашингтон, поэтому некоторое время мы с вами не увидимся. Когда у нас появится для вас информация, мы с вами свяжемся. Эдуардо будет посредником.

– А что я получу, если сделаю это?

– Я думал, вами руководит любовь к вашей стране, мисс Перес.

– Значит, вы меня не поняли. Я не собираюсь рисковать жизнью только по доброте душевной. Я заслуживаю компенсации, причем серьезной.

Как дочь своего отца, я кое-что смыслю в бизнесе.

Мистер Дуайер фыркает, но это звучит почти одобрительно.

– Чего вы хотите?

Он достает из кармана пиджака блестящую черную шариковую ручку и двигает ее ко мне по отделанной пластиком столешнице вместе с салфеткой. Я дрожащими пальцами пишу на ней свою цену, которую обдумывала с нашей первой встречи в Палм-Бич, пытаясь подсчитать, сколько нашей семье нужно, чтобы вернуть себе прежнее положение. Месть за смерть моего брата бесценна, остальное же...

«Сто тысяч долларов и возврат конфискованной семейной собственности», – пишу я и, надев на ручку колпачок, возвращаю ее Дуайеру вместе с салфеткой.

– Договорились?

Мельком взглянув на то, что я написала, он поднимает на меня глаза и улыбается.

– Договорились.

* * *

– Ну, как все прошло? – спрашивает Эдуардо, когда я сажусь в машину.

– Кажется, хорошо. Он согласен.

Может, мне стоило выдвинуть больше требований? Не попросила ли я слишком мало? Или слишком много?

Я всегда гордилась своим умением неплохо разбираться в людях – в светском круговороте без этого никуда. Но Дуайер непроницаем: его мыслей не прочтешь. Когда мы закончили разговор, он взял салфетку, скомкал ее у себя в кармане, заплатил и вышел.

Довольно нелюбезно.

– Он мне не нравится.

– Я думаю, Беатрис, он не нравится никому.

– Наверное, я неточно выразилась: я ему не доверяю.

– А мне доверяешь?

– Иногда.

– Ах ты нахалка! – улыбается Эдуардо. Потом его лицо становится серьезным. – Еще в Гаване, когда ты впуталась во все эти дела, я дал Алехандро слово, что, если с ним что-то случится, я присмотрю за тобой, как за собственной сестрой.

При мысли о брате я чувствую в глазах слезы. Мне так его не хватает!

– Я знаю.

Эдуардо берет меня за подбородок.

– Все пройдет хорошо. Обещаю. Через год мы с тобой будем сидеть за столиком в яхт-клубе и пить за твой успех. Будем танцевать в «Тропикане». В Гаване ты станешь героиней.

– Становиться героиней я не хочу. Хочу просто вернуться домой.

– Обязательно вернешься, – произносит Эдуардо торжественно.

– А у тебя никогда не возникает ощущения, что ты ее забываешь?

– Кубу?

Я киваю.

– Иногда возникает, – говорит он, помолчав.

– У меня тоже. Каждое утро я просыпаюсь здесь, и мне кажется, что она стала чуточку дальше.

В таких вещах мне легче признаваться Эдуардо, чем своим родным. Для нашей семьи разговоры о Кубе болезненны. Смерть Алехандро мы вообще стараемся не упоминать. Для родителей трагизм этого события усугубляется еще и тем, что они порвали все связи с моим братом, когда он начал участвовать в сопротивлении режиму Батисты.

– Я боюсь, что начинаю забывать Алехандро, – говорю я. – Однажды я проснулась ночью и не смогла вспомнить его голос, его смех. Все наши фотографии остались в Гаване. Вдруг однажды я забуду и то, как он выглядел?

Эдуардо сжимает мою руку.

– Твои чувства нормальны. Особенно здесь, вдалеке от дома: от мест, где он жил, от вещей, которые он любил.

– Пожалуй.

Мне не хочется в этом признаваться, но, с другой стороны, такая ситуация даже немного облегчает для меня боль потери: тень брата не встречает меня в каждой комнате нашего дома и на каждом углу нашей улицы.

– А ты его помнишь? – спрашиваю я.

На красивом лице Эдуардо появляется грустная улыбка.

– Да. Я помню, как мы в детстве носились по городу, как влюбились в одну и ту же танцовщицу из «Тропиканы». Я из кожи вон лез, чтобы завоевать ее, но, естественно, против Алехандро у меня шансов не было. Может, она не могла устоять против его фамилии, а может, против его дьявольского обаяния.

Я улыбаюсь.

– Он действительно был очень обаятелен. Правда, после нападения на президентский дворец сильно изменился, перестал смеяться, как раньше.

В борьбе за будущее Кубы моему брату приходилось убивать, но при всей страстной преданности своему делу в глубине души он оставался добрым. Он был не из тех, кто может отнять у человека жизнь и потом не мучиться.

– Ты чувствовал себя не так, как он, да? – спрашиваю я.

Эдуардо заправляет мне за ухо прядь волос.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты участвовал в попытках отстранить Батисту от власти, теперь борешься против Фиделя. Но ты никогда... – я подыскиваю нужное слово, – не терзался из-за этого. Как тебе удастся одновременно верить в наше движение, в кубинскую демократию и при этом не испытывать ненависти к тому привилегированному обществу, которое породило все проблемы Кубы и частью которого мы являемся?

– А тебе как это удастся?

Мне никогда не был свойствен идеализм, присущий моему брату. В отличие от него я, при всех моих претензиях к Батисте, никогда не говорила резко о нашей семье. Я не считала нас невинными агнцами, но и злодеями не называла тоже.

– Наверное, мне помогает мой прагматизм, – отвечаю я.

– Ты стремишься выжить: ради себя самой, ради семьи, ради страны. Я тоже. Я понимаю: чтобы отстранить Фиделя от власти, потребуются все силы, какие у меня есть. С остальным я разберусь потом.

– Когда-нибудь нам за все предъявят счет.

Эдуардо улыбается.

– Непременно предъявят. Фокус в том, чтобы найти того, кто этот счет оплатит.

Глава 5

После встречи с мистером Дуайером я всю неделю живу насыщенной светской жизнью, остро ощущая контраст между двумя сторонами своего существования. На публике я беззаботна, но, если изредка мне удастся побыть одной, я с волнением жду вестей от человека из ЦРУ. Мать не дает мне покоя своими бесконечными попытками выдать нас с Изабеллой замуж. Особые надежды она возлагает на День святого Валентина.

Все, кто имеет в обществе Палм-Бич хоть какой-то вес, отмечают этот праздник одинаково: участвуют в бале, на котором собираются средства в пользу Американской кардиологической ассоциации. В прошлом году кампанию возглавляла сама Мейми Эйзенхауэр, а в списке гостей были члены блистательной семьи Кеннеди, телеведущий Эд Салливан, спортсмены уровня Джо Ди Маджо и другие знаменитости. Разумеется, мама решила, что для ее дочерей это мероприятие – идеальная возможность «на мужчин посмотреть и себя показать». Ну и позаниматься благотворительностью, разумеется. В этом году председательствует жена богатого промышленника, немеркнущая звезда светского небосклона Палм-Бич. Бал проходит с небывалым размахом, и мама считает, что от этого вечера зависит наше будущее. На всех присутствующих мужчин она смотрит широко раскрытыми расчетливыми глазами, как будто держит в голове таблицу, где прописаны невероятные суммы, которыми выражается капитал каждого из них, а рядом указано семейное положение. Поиск мужей для нас занимал маму уже на Кубе, но здесь это стало ее основным делом.

Мы входим в бальный зал – сахарные королевы, выстроившиеся по старшинству. Этот порядок совпадает с очередностью запланированных нашей матерью бракосочетаний. Изабелла первая. На ней платье от Диора, перешитое всего один раз, – большая жертва для нашего нынешнего бюджета. Формально она уже помолвлена: на Кубе у нее остался жених, Роберто. Но маме он и раньше не нравился (из-за того, что располагал скромными средствами), а теперь она готова и вовсе сбросить его со счетов, не спрашивая согласия Изабеллы.

Следующая я, в красном платье: во-первых, этот цвет уместен в День святого Валентина, во-вторых, я люблю быть яркой и не умею смешиваться с толпой. За мужьями можно и не охотиться, однако произвести на окружающих впечатление не помешает. Тем более что один знакомый мне красавец сенатор, возможно, захочет отметить этот праздник так же, как и мы.

За мной под руку с мужем идет Элиза.

Мария осталась дома: наверняка проклинает свой возраст и мамины правила.

Родители горделиво замыкают шествие. Замужество Элизы помогло нам войти в местное общество. На Изабеллу и меня возлагаются, вероятно, еще большие надежды.

Я по привычке обвожу толпу изучающим взглядом, как будто вхожу на враждебную территорию и должна определить, где опасность. К моему разочарованию, над макушками собравшихся не возвышается светловолосая голова Ника Престона. Но не мог же он пропустить сегодняшнее мероприятие! Я оглядываю зал еще раз: его невесты тоже не видно.

Я поворачиваюсь к Изабелле, и вдруг по позвоночнику пробегает дрожь, кровь слегка щекочет вены.

Вот он.

Едва поймав его боковым зрением, я ощутила что-то вроде укола. Теперь я медленно повернулась и смотрю прямо на него.

Не знаю, где Ник все это время был, но ни своего загара, ни непринужденной улыбки, усиливающей его обаяние, он там не потерял.

Честное слово, он даже чересчур красив.

Ник застывает на полуслове, наклоняет голову, и наши взгляды встречаются. Его улыбка становится шире, глаза на долю секунды загораются. Потом он поворачивается ко мне в профиль и снова сосредоточивает внимание на людях, которые окружили его и жадно слушают.

По моей коже разливается краска.

Я не могу отвести взгляд.

Потому что, хоть Ник сейчас и не смотрит прямо на меня, я знаю: его улыбка, засиявшая ярче, – это не просто проявление учтивости к собеседнику. Она предназначена мне. Как хорошо, что я надела сегодня красное платье!

Элиза тихонько приближается и шепчет:

– Будь с ним осторожна.

За год после нашего бегства с Кубы моя сестренка успела стать женой и матерью. Призывы к осмотрительности я слышала от нее и раньше, но сейчас в них ощущается умудренность опытом. Создается ощущение, будто она старше меня.

– Буду, – вру я, а Ник Престон в этот момент покидает своих собеседников и направляется ко мне.

Я делаю шаг в сторону от Элизы. Потом еще один.

Все пять недель, пока его не было, я ждала этого момента, снова и снова представляла себе нашу встречу, гадала, вспоминает ли он обо мне в Коннектикуте, своем родном штате, в Вашингтоне, где он работает, или еще где-нибудь.

Каждый раз, приходя на бал, игру в поло, благотворительный обед или представление, я высматривала его.

И вот он здесь.

Я смутно вижу других гостей, помню, что где-то у меня за спиной стоят мои родственники, но сейчас все они не более чем фон. Их голоса сливаются в неясный гул. Ник заполнил собой весь зал – это умение, наверное, приносит ему немалую пользу и в политике, и в личной жизни.

– Вы сегодня прекрасны, – говорит он вместо приветствия.

Головокружение, которое я ощущаю от этого комплимента, наверняка стирает с моего лица всякий намек на интеллектуальную глубину.

– Спасибо, – улыбаюсь я.

Боюсь, теперь он нравится мне еще сильнее, чем раньше.

– С Днем святого Валентина.

– С Днем святого Валентина, – повторяю я, как эхо.

Мы оба молчим, и у нас обоих, надо полагать, одинаково смущенные улыбки.

Голос у меня за спиной с нажимом произносит мое имя. Я оборачиваюсь и ловлю взгляд Изабеллы – один из тех, при помощи которых мы можем общаться, не произнося ни слова. Сестринская интуиция и все такое. Милой улыбкой я говорю ей, что все в порядке, – как будто любой, кто хорошо знает меня, не прочтет в моем взгляде готовности поддаться искушению.

Я поворачиваюсь к Нику.

Он делает шаг мне навстречу, заслоняя меня собой от всего зала.

– Я весь вечер смотрел на дверь, – бормочет он. – Ждал, когда вы придете. – Его голос ласков, как шелк. – Теперь вы знаете один из моих секретов.

Я пригибаю голову, щеки вспыхивают.

– На нас все смотрят.

Может быть, если с завтрашнего дня он будет неразлучен со своей невестой, то со временем, после какого-нибудь нового скандала, общество простит нам этот вечер. Может быть. В любом случае его репутация пострадает куда меньше, чем моя, хоть из нас двоих помолвлен он, а я свободна.

Любит ли он свою невесту? А она его?

– Вас это беспокоит? – спросил он, как будто бы только сейчас заметив то внимание, которое мы к себе привлекаем.

– Что люди испытывают ко мне такую отчаянную неприязнь? Не так чтобы очень. Если бы я не ходила туда, где мне не рады, я бы почти безвылазно сидела дома.

– Значит, вы храбрее, чем я думал, – отвечает он мягким, слишком мягким голосом.

– Не надо меня жалеть.

– Я и не жалею. Нисколько.

– Лжец.

Он улыбается.

– Раз уж на то пошло, я думаю, вас не столько ненавидят, сколько боятся.

– На мой взгляд, трудно найти существо безобиднее меня, – усмехаюсь я.

– Все дело именно во взгляде, потому что я бы с вами не согласился.

От этих слов мне одинаково сильно хочется рассмеяться и заплакать.

– Вы же были на войне!

– Был.

– Только не говорите мне, что я страшнее массивной бомбардировки.

Уголки его рта приподнимаются.

– Может, и не страшнее, но вы заставляете мужчину сомневаться в себе. В небе я таких сомнений не испытывал.

– Они вас пугают?

– Ужасно.

Мы оба, разумеется, все понимаем. Это его признание объединило в себе «здравствуй» и «прощай».

Мои родители и сестры отошли от меня, но потом наверняка вернутся к этому эпизоду и прожужжат мне все уши.

– Что мы делаем? – спрашиваю я.

– Сейчас?

– Да.

– Черт знает.

– Наверное, нам лучше это прекратить.

– Наверное, – соглашается он.

– У меня есть сестры, а у них репутации, которые надо беречь. Сейчас все вытянули шеи и пытаются расслышать, что мы друг другу говорим.

Он смотрит на меня огорченно.

– Мне жаль.

– Я знаю.

– Помните, однажды вы сказали, что последние минуты свободы надо ценить. Потанцуем?

Я смеюсь, хотя мне грустно.

– По-моему, мы с вами только этим и занимаемся.

– Вероятно, это самое безопасное из наших возможных занятий. Хотя и не самое радостное, – уточняет он и подмигивает мне ямочкой на щеке.

Я, колебавшись, соглашаюсь:

– Только один танец. И все.

– Только один, – говорит он.

В ту же секунду я вижу руку, протянутую ко мне, и мне кажется, что не может быть ничего естественнее, чем положить свою ладонь на его ладонь, переплести свои пальцы с его пальцами.

Ник выводит меня на танцпол, начинается новая песня.

Эдуардо танцует с какой-то симпатичной рыжеволосой девушкой. Губы улыбаются, взгляд направлен на меня и Ника. Голова слегка склоняется в шутливом выражении почтения.

Надо будет сказать ему, чтобы забыл об этой части своего плана: я не намерена использовать то притяжение, которое испытываю к Нику, в наших политических интересах.

Проследив за моим взглядом, Ник тоже замечает Эдуардо.

– Похоже, у нас обоих непростая жизнь.

– Разве в таком климате может быть просто?

– Едва ли, но не все это понимают. – Отвлечшись от Эдуардо, Ник обводит взглядом зал. Многие люди ходят по таким вечеринкам, как сегодняшняя, и делают вид, будто не знают, что не все могут быть так же довольны жизнью.

– На Кубе мы тоже этим грешили. По крайней мере до каких-то пор. Потом нам был преподан жестокий урок.

– А что бы вы стали делать, если бы ситуация на вашей родине изменилась? Если бы Кастро лишился власти?

– Я бы туда вернулась, – отвечаю я без колебаний. – Здесь я чужая, мой дом в Гаване. Там остались мои друзья, родственники, моя няня Магда. Жизнь в Палм-Бич для меня переходный этап, нечто вроде чистилища.

– Я никогда не был на Кубе, но всегда хотел побывать. Говорят, это прекрасная страна.

– Так и есть. Пляжи, сельские ландшафты, горы, Гавана со своей старой испанской застройкой... – Говоря это, я отчетливо вижу, как солнце встает над Малеконем. – На Земле нет такого места, которое было бы более похоже на рай. Внешне, разумеется. Нам есть над чем работать.

– Вы тоже хотите участвовать в этой работе?

– Конечно. А разве вы бы на моем месте не захотели? Это же мой дом!

– То есть вы считаете, что у вас есть долг перед вашей страной?

– Дело не только в долге, но и в желании. Я получила кое-какое образование и действительно хочу его применить. Правда, мои амбиции в этом отношении не были вполне удовлетворены, поскольку не соответствовали представлению моей матери о женском предназначении... Тем не менее кое-чему я все-таки научилась и теперь должна это использовать, разве не так?

– Именно так.

Меня удивляет то, как искренне произнесены эти слова. От меня не укрылось, что многие американки во многих отношениях почти так же ограничены, как и слишком многие кубинки.

– Может быть, когда-нибудь я навещу вас на Кубе и вы познакомите меня с вашим островом.

Не без некоторого усилия улыбнувшись ему в ответ, я представляю себе встречу, которая никогда не состоится.

– Может быть.

По залу разносятся последние аккорды песни. Танец окончен. Ник меня отпускает, но уходить ему, видимо, тоже не хочется.

– Спасибо за танец, – говорит он помедлив.

Сейчас он не улыбается, я тоже.

– И вам спасибо.

– Желаю удачи во всем. Надеюсь, ваше желание осуществится и вы вернетесь на Кубу.

Ник еще раз берет мою руку и, склонившись к ней, едва ощутимо касается ее губами, а потом уходит.

Я возвращаюсь к сестрам. Меня сопровождают беззастенчивые взгляды и шепот, который не назовешь вежливым. Все это пройдет и будет забыто.

Его я тоже забуду.

Глава 6

Я просыпаюсь от стука в стекло. Этот шум заставляет меня вздрогнуть. Я не сразу вспоминаю, где нахожусь, тем более что в моей комнате совершенно темно.

Стучат еще три раза. Ветер доносит до меня шепот, очень напоминающий звуки моего имени:

– Беатрис!

Вот опять.

Знакомые шумы сбивают меня с толку: мне кажется, что я в своей старой спальне, в нашем доме в Мирамаре. Я перенеслась в те дни, когда родители отреклись от Алехандро и мне приходилось тайком встречаться с ним, передавать ему еду и деньги. По ночам я бродила по городу с братом и Эдуардо, помогая им в том, что они делали для революции.

Я отбрасываю одеяло, беру халат, висящий на спинке кровати, и вожусь с пояском.

Звук удара повторяется. Теперь уже громче.

– Беатрис!

Я подхожу к окну и раздергиваю шторы.

Внизу стоит Эдуардо. Сняв бабочку и парадный пиджак, в котором был на балу, он до локтей закатал рукава белоснежной рубашки и готовится кинуть еще один камешек.

Я открываю окно и шиплю:

– Что случилось?

Моя комната смотрит на улицу, комната родителей – во дворик, но справа и слева от меня спальни Изабеллы и Марии, а мне меньше всего хочется, чтобы завтра они стали обсуждать ночной визит Эдуардо.

– Разбудил? – спрашивает он шепотом и, подойдя ближе, оглядывает меня: халат, надевший поверх ночной рубашки, растрепанные волосы, остатки макияжа.

– А как ты думаешь? Уже почти два часа ночи.

Эдуардо улыбается.

– Это разве поздно? Стареешь! Было время, когда в два часа ночи ты еще вовсю отплясывала.

– Ты пришел пригласить меня на танцы?

– Нет. Я иду забирать груз. Хочешь со мной?

– Груз? Ночью?

– Очень ценный груз. Он имеет отношение к нашим интересам. Кубинским интересам.

Разумнее было бы сказать «нет» и вернуться в постель, но я уже совершила один разумный поступок, поставив барьер между собой и Ником Престоном. От этого решения мне до сих пор больно.

Маленький бунт – самый соблазнительный.

– Я спущусь через минуту.

* * *

Через четверть часа мы несемся по шоссе в южном направлении.

– Так что за груз? – спрашиваю я Эдуардо.

– Не знаю. Заранее мне не говорят. Его доставляют по воде и передают каждый раз разным людям. Я встречаюсь с ними в доках, мы обмениваемся паролями. После этого товар перемещается из их багажника в мою машину, и все расходятся.

– Ты уже делал это раньше?

– Пару раз.

– И ты проверял груз?

– Конечно.

– Ну и что там было?

В ответ молчание. Я решаю изменить формулировку:

– Что ты делал с этими вещами?

– Этого я тебе сказать не могу.

– Ну для чего они нужны?

– Этого тоже не могу сказать.

– А что можешь?

– Куда подевалась твоя жажда приключений? Ты вроде бы говорила, что хочешь во всем мне помогать. Это то, над чем мы сейчас работаем.

– С ЦРУ?

– Не совсем.

– Умно ли делать их своими врагами?

– Нашим совместным планам эти поставки никак не мешают. Просто не все, что выгодно нам, выгодно ЦРУ, и наоборот. Всегда нужно иметь запасной вариант, Беатрис. И тщательно выбирать тех, кому доверяешь.

– То есть мне лучше держаться от тебя подальше?

Эдуардо улыбается.

– Ни в коем случае.

– Тогда объясни, что я здесь делаю. Ты же не только ради веселья вытащил меня из постели среди ночи?

– Нет, не только. В прошлый раз, когда я ехал с грузом, меня остановил местный коп. Ничего не случилось, но вопросов было больше, чем хотелось бы. Если мою машину тормознут опять, ты будешь моим идеальным прикрытием. Подумают, что я просто решил потихоньку прокатиться с женщиной. Ничего дурного при виде тебя никто не заподозрит.

Я оглядываю свою одежду: простые штаны, блеклый свитер, простые удобные туфли без каблучков.

Я понимаю, что он имеет в виду.

– Мы встретимся с людьми, – продолжает Эдуардо, – заберем у них груз, отвезем, куда надо, и еще до рассвета ты вернешься в кровать. Завтра скажешь, что выпила на балу слишком много шампанского, если родители спросят, почему ты проспала до обеда.

– Думаю, они не заметят.

– Тогда о чем ты беспокоишься?

– Обо всем.

Эдуардо берет меня за руку.

– Доверься мне.

* * *

Виды за окном радуют все меньше, отчасти потому, что улицы темны и пустынные. Мы проводим в пути почти час. Потом Эдуардо начинает петлять, делая один поворот за другим, и наконец останавливается возле чего-то похожего на заброшенную пристань для яхт.

– Посиди в машине, – говорит он. – И закройся изнутри.

– Насколько я помню, ты сказал, что это не опасно.

– Не опасно. Но за место я ручаться не могу.

Он тянется к бардачку, достает что-то и сует мне в руку. Я чувствую холод металла.

– Пистолет?

– Как я уже сказал, окрестности не самые спокойные. Увидишь что-нибудь подозрительное, кроме меня, – уточнил он с усмешкой, – стреляй.

Вдруг я нужна ему не только для прикрытия, но и для страховки? Эта мысль меня тревожит.

Как только он выходит из машины, я запираю двери и ищу в темноте его силуэт. На секунду он мелькает в слабом свете фонаря у доков, а потом скрывается из виду, и я остаюсь одна.

Слышится шум далекой машины, проехавшей по шоссе, едва различимо плещет вода в доках.

Ночь слишком тиха и слишком темна. Слишком высока вероятность того, что что-нибудь пойдет не так.

В какую авантюру ввязался Эдуардо? Если он сотрудничает не с ЦРУ, тогда с кем? Работает ли он в одиночку или его поддерживает целая сеть таких же кубинских эмигрантов?

Время ползет медленно, рука, сжимающая пистолет, потеет. Мысль о том, чтобы пустить его в ход, кажется мне нелепой, но Эдуардо, очевидно, другого мнения.

Услышав шуршание колес по гравии, я выпрямляюсь и, держа оружие наготове, пытаюсь разглядеть подъехавших. Свет фонарей дока сюда не доходит, поэтому я скорее чувствую, чем вижу автомобиль, остановившийся совсем рядом.

Я пригибаю голову, проклиная Эдуардо за то, что он втянул меня в это. Одно дело – рисковать жизнью ради чего-то важного, например, ради убийства Фиделя. Другое – подвергать себя опасности так, как сейчас: я ведь даже не знаю, зачем мы здесь и имеет ли это хоть какое-то отношение к Кубе. А вдруг Эдуардо просто расхлебывает последствия своего образа жизни? Проигрался в карты или объясняется с обманутым мужем? Он, правда, говорил, что «груз» полезен для нашего дела, но ведь ему ничего не стоит соврать, если надо.

Зря я не расспросила его понастойчивее.

Хлопают дверцы машины, по гравии шуршат шаги. Кто это: друг или враг?

Сердце колотится, зажатая в ладони рукоятка пистолета уже стала скользкой. Я жду, что неизвестные заглянут в машину Эдуардо, увидят меня. Однако их шаги удаляются, а потом и вовсе затихают. В свете фонаря у дока появляются силуэты двух мужчин.

Они идут к Эдуардо.

Я открываю бардачок и нащупываю фонарь. Мои пальцы оказываются на ручке дверцы, прежде чем я успеваю как следует подумать. В другой руке пистолет.

Я выхожу в ночь.

* * *

Осторожно, стараясь не пропустить мимо ушей ни единого шороха, я пробираюсь между двумя машинами. Удивительно, пистолет небольшой, но тяжелый. Палец на курке, рука дрожит.

Вдруг я случайно выстрелю и убью кого-нибудь? Или себя?

Автомобиль, припаркованный рядом с машиной Эдуардо, – четырехдверный седан. Я подкрадываюсь поближе и приседаю возле багажника.

Зажигаю фонарик и направляю свет на табличку с номером.

Машина зарегистрирована во Флориде.

Тишина.

Разве я могу не заглянуть внутрь?

«Во что ты меня втянул?» – бормочу я, подбираясь к водительской дверце.

Стекло опущено. Я просовываю руку и открываю машину изнутри.

Несмотря на то что в салон поступает свежий воздух, здесь пахнет сигаретным дымом, потом и слегка – дешевыми духами.

Сердце колотится. Неужели я это делаю?

Светя фонариком, я нажимаю кнопку открывания багажника и, выйдя из машины, поднимаю крышку.

Вижу какие-то деревянные ящики.

На несколько секунд застываю и прислушиваюсь: не приближаются ли шаги или голоса?

Нет, все тихо. Любопытство берет во мне верх над осторожностью.

Я открываю один из ящиков и свечу внутрь.

Что это за красные палочки и как они называются, я соображаю не сразу, а сообразив, жалею об этом.

Ящик наполнен динамитом.

* * *

На полпути к доку с пистолетом в одной руке и фонариком в другой я слышу вдалеке голос Эдуардо.

Он смеется.

Я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, выключаю фонарь и иду обратно только при свете луны.

Вообще-то Эдуардо не говорил мне сидеть в машине, но теперь я знаю, в какое взрывоопасное дело ввязалась, и не хочу ввязываться еще сильнее.

Не надо было мне сюда приезжать.

Я ускоряю шаг. Вскоре, слегка запыхавшись, плюхаюсь на ковшеобразное сиденье машины Эдуардо и захлопываю дверцу. Сердце выпрыгивает из груди.

Через минуту голоса и тяжелые шаги становятся громче. Появляется Эдуардо, а с ним еще два человека. Они направляются к седану.

Я вжимаюсь в кресло и поворачиваю голову, старательно пряча лицо.

Открывается багажник, раздается звук глухого удара, машина чуть проседает под тяжестью динамита. Крышка багажника захлопывается.

– Скучала? – дразнит меня Эдуардо, сев за руль.

Скучала ли я по нему? Да я готова была его убить!

Вторая машина отъезжает.

– Для чего динамит? – спрашиваю я.

– Господи, Беатрис! – Эдуардо качает головой. – Не стоило мне тебя брать!

– Да уж, пожалуй, действительно не стоило. Так зачем динамит?

– Для одного из тех планов, о которых я упоминал.

– И о которых в ЦРУ ничего не знают?

Эдуардо, кивнув, поворачивает ключ в замке зажигания. Машина трогается с места.

– Зачем так много взрывчатки?

Он коротко усмехается.

– А ты как думаешь?

На Кубе мы не боялись использовать насилие для достижения наших целей. Мы хотели произвести революцию и никакими средствами не пренебрегали. Но здесь не Куба, и если Эдуардо, находясь в Соединенных Штатах, решил применить динамит или устроить заговор за спиной у ЦРУ... он поступает явно неумно.

– Ты ведь не собираешься пустить такой «груз» в ход на территории этой страны?

– Я сам ничего не собираюсь делать. Я всего лишь играю роль посредника. За определенную плату.

- Но эта взрывчатка – она хотя бы для Кубы?
- Для того чтобы привлечь внимание американцев и заставить их включиться в борьбу, есть другие способы.
- Нельзя настраивать Америку против себя, – предостерегаю я.
- Америку ты предоставь мне. А твоя задача – привлечь и удержать интерес Фиделя.

* * *

Машина останавливается перед нашим домом. Мне хочется напрямик отправиться в постель. Я сержусь на Эдуардо и на саму себя за то, что согласилась с ним поехать. На Кубе он часто поступал опрометчиво и здесь, как видно, не поумнел.

А я уже потеряла вкус к неоправданному риску.

– Беатрис!

Запнувшись при звуке собственного имени, я встречаюсь взглядом с отцом. Он в костюме и с ключами от машины стоит у дверей. Неужели собрался в контору? Сейчас, наверное, часов пять утра – не больше. Все остальные наверняка еще спят.

– Где ты была?

Твердость отцовского голоса для меня непривычна. Он всегда был человеком строгим и не раз говорил таким тоном с моим братом, но с дочерьми всегда обходился мягче. Особенно со мной.

– Я... – Никакого оправдания не приходит в голову.

– Встречалась с молодым человеком?

Это самое простое и безобидное объяснение, какое я могла бы придумать.

Хоть я и не была готова оправдываться, встрече с отцом в такой поздний, точнее, ранний час удивляться не следовало. Я слышала, что в последнее время он трудится так напряженно, как не трудился никогда: встает раньше солнца и работает до ночи. Но одно дело слышать, а другое – видеть своими глазами.

Ему за шестьдесят. На Кубе он поговаривал о том, чтобы передать дела Алехандро и уйти на покой. А потом почти все, на что он потратил несколько десятилетий своей жизни, уничтожил Фидель. Пришлось начинать сначала.

– Я была с Эдуардо. Он устроил вечеринку, – вру я. – Ты же его знаешь.

– Вот именно. Потому и беспокоюсь. – Несколько секунд помолчав, отец прибавляет: – Беатрис, мы не в Гаване. Здесь я не могу тебя защитить. Впрочем, я и там не сумел...

Физически мой брат уже не с нами, зато им поглощены наши мысли. Может быть, отец потому сейчас столько работает, стремясь приобрести как можно больше денег и власти, что на Кубе его усилий оказалось недостаточно, чтобы спасти единственного сына?

– Знаю, – говорю я и, сделав шаг вперед, обнимаю отца. Можно подумать, что из нас двоих ребенок он и я его утешаю. – Не беспокойся, я веду себя осторожно.

Нам обоим известно, что это неправда. Едва ли я хоть когда-нибудь проявляла осторожность.

– Это опасно, Беатрис.

– Я знаю.

– После Алехандро... Мать не должна видеть, что ты где-то ходишь среди ночи. Нашей семье хватило несчастий. Больше не надо.

– Ладно, я не буду попадаться маме на глаза.

Отец вздыхает.

– Эдуардо всегда мне нравился. Он из хорошей семьи. Но ты скоро убедишься, что люди вечно торопятся воспользоваться тем, что ты можешь для них сделать, что можешь им дать. Особенно нетерпеливыми они становятся, когда доходят до отчаяния.

- Думаешь, Эдуардо в отчаянии?
- Отец грустно улыбается.
- Как и мы все. Разве не так?

Глава 7

Время идет, февраль сменяется мартом, светская жизнь бьет ключом. Мы участвуем в ней, но на дружеские вечеринки – для своих, для тех, кто в Палм-Бич известен уже несколько десятилетий, – нас не приглашают. Мы не входим в ближний круг таких привилегированных семейств, как Престоны. Я даже не знаю, по-прежнему ли Ник здесь или уехал на север готовиться к выборам. В любом случае наши пути больше не пересекаются.

После Пасхи водоворот вечеринок и благотворительных балов переместится в более прохладный климат. Флориду накроет волна летнего зноя, и людской поток, стремящийся сюда, оскудеет. Великолепные особняки будут стоять с закрытыми ставнями, оставленные на попечение сторожей. Дорогую мебель накроют белыми простынями, чтобы не пылилась до зимы – начала следующего сезона. Правда, некоторые семьи, живущие в Палм-Бич круглый год, никуда не уедут, и все же движение по Уорт-Эвению станет менее оживленным. Общество утратит интерес к сцене, на которую в течение нескольких месяцев было направлено столько биноклей. Газеты будут писать о тех же девушках и тех же семьях, но в новых декорациях, где будут разворачиваться новые скандалы.

Мамино недовольство тем, что мы вынуждены оставаться в Палм-Бич дольше, чем можно, витает в атмосфере нашего дома. Наполняя гостиную своими жалобами, мама перенаправляет свой гнев с Фиделя на отца, который настаивает на том, что мы не можем позволить себе еще один дом, не можем поехать на север, чтобы состязаться с другими почтенными семействами на светской арене. Дела держат его здесь, и, пока он пытается заново сколотить для нас состояние, Куба превращается в бледнеющее воспоминание.

Религия моей матери – это статус нашей семьи. Правда, в наращивании социального капитала она добивается куда меньшего успеха, чем отец в восстановлении своей империи. В его мире главенствуют земля, сахар и деньги, хранимые в швейцарских и других заграничных банках (благодаря дерзости Фиделя он окончательно потерял доверие к правительству). Когда материнская неудовлетворенность нашим общественным положением и отцовская страсть к накоплению капитала достигают предельного уровня, наш дом охватывает такое нервное напряжение, что я едва не задыхаюсь.

С весенними дождями все проходит так же быстро, как разгорелось. К началу мая общество, в которое мама столь отчаянно стремилась войти, уезжает. Три из четырех ее дочерей по-прежнему не замужем. От города, каким он был в золотые месяцы, осталась только тень.

Теперь, когда Мария возвращается из школы, мы, сестры, часами сидим в гостиной: листаем журналы и читаем, пока мама потягивает коктейли и решает наши судьбы. Целых девять дней шел дождь, и все это время мы не высывались из дома. Ожидание истощает наше терпение: тон наших разговоров становится резче, взгляды утрачивают сестринскую нежность, отношения между родителями покрываются слоем инея. Однажды после обеда мама объявляет со своего дивана:

– У меня в Испании есть кузина. Пожалуй, вы могли бы ее навестить. Муж у нее – дипломат. Значит, он обеспечит вам приглашения на приемы в посольство. А еще, конечно же, есть Мирта, ваша тетя по отцу. Она замужем за богатым человеком и предлагала помощь, – при этих словах мама хмурится, увидев в собственном плане серьезный изъян.

Мирта, папина младшая сестра, несколько раз приезжала к нам на Кубу, и я всегда чувствовала, что ее супруг-американец не нравится моей матери, в чьих глазах деньги не возмещали отсутствия хорошей родословной. Нет, охотиться на женихов под руководством тети Мирты нам не придется.

– Я никуда не хочу ехать, – говорит Мария.

– Не беспокойся. Тебя никто никуда и не отправит. В твоём распоряжении ещё уйма времени до той поры, когда тебя начнут называть старой девой, – дразню её я. – Наслаждайся.

– Напрасно ты смеёшься, – резко произносит мать. – В твоём нынешнем возрасте я была уже замужем и имела ребенка.

Изабелла все это время не говорит ни слова, как будто надеется, что молчание сделает её невидимой и защитит от внимания матери.

– А ещё двое были на подходе, – прибавляет мама, сглотнув.

Я удивлена. Эта реплика – самое прямое упоминание об Алехандро, которое я слышала от неё после его смерти.

– К началу следующего сезона ты станешь старше, – продолжает она, бросив на меня такой тревожный взгляд, будто в день, когда мне исполнится двадцать три, я вдруг превращусь в морщинистую седовласую старуху и меня официально отправят в архив. – Мужчины предпочитают девушек помоложе. Нераскрывшиеся бутоны.

Маме было всего восемнадцать, когда она вышла за моего отца.

Мария фыркает. Я рада за неё: она ещё может смеяться над подобными разговорами, не понимая всей серьёзности нашего положения. Она не знает, что родители рассматривают замужество как конечную цель, что они связывают наш успех с тем, какого мужчину нам удастся поймать, а вовсе не с нашими собственными достоинствами. Мария, конечно, поймет все это – позже, когда окончит школу и захочет, например, изучать право, как хотела я.

Прежде чем мама успевает развить тему моей бесплодно прожитой юности, в комнату заглядывает Элис – экономка, которая приходит к нам на полдня.

– Прошу прощения. Мисс Беатрис, мистер Диас хочет с вами поговорить. Он ждет на улице.

Эдуардо – мой спаситель.

После той динамитной ночи мы толком не виделись. Все это время он «путешествовал» неизвестно где. Сейчас я ему рада, потому что предпочитаю политические интриги маминым матримониальным махинациям.

Нацепив на лицо улыбку, я встаю с дивана и бросаю журнал на стол.

– Не буду заставлять Эдуардо ждать. Тем более что у меня самой так мало времени, – говорю я и многозначительно смотрю на маму.

С того конца дивана, где сидит Изабелла, раздаётся сдавленный смех.

* * *

– Ты меня спас, – говорю я Эдуардо, идя с ним по пляжу.

– Правда? Мне нравится. Может, скажешь ещё, что я твой герой?

Я смеюсь.

– Давай не будем перегибать.

– Хм... А от чего я тебя спас?

– От матери. От необходимости выслушивать её жалобы на то, что общество разъехалось, а мы остались в Палм-Бич, – отвечаю я, держа в одной руке сандалии, а в другой край юбки и чувствуя, как песок просачивается сквозь пальцы босых ног. – Кстати, – я бросаю взгляд на Эдуардо, – удивительно, что ты здесь.

– А куда мне деваться? – говорит он и смотрит на море, убрав со лба темную прядь (с конца сезона его волосы отросли и стали немного виться).

– В Нью-Йорк, например.

Эдуардо презрительно кривит губу. Эту игру он знает не хуже, чем я.

– Пытаешься меня женить?

– А ты бы хотел? Когда-нибудь придется, разве нет?

Он на три года меня старше. Это не настолько много, чтобы его холостое положение казалось необычным, но и не мало – особенно по нынешним неопределенным временам. К мужчинам общество, разумеется, относится иначе, нежели к женщинам: старых холостяков никто не клюет, как старых дев. И все-таки однажды нам всем полагается создать семьи, родить детей и жить той жизнью, которую вели наши родители.

– Жениться ради любви?

– Любви, положения в обществе, защищенности.

Эдуардо слегка напрягается, и я жалею о последних словах. О наших стесненных обстоятельствах мы обычно не говорим: наша гордость не позволяет нам этого. Для такого молодого человека, как Эдуардо, столь резкое ухудшение финансового положения – большой удар. На Кубе Диасы жили по-королевски: владели землей, предприятиями, лошадьми – целой империей, которая строилась не один век. Поговаривают, что еще до свержения Батисты отцу Эдуардо удалось вывести из страны какие-то деньги, но большая часть состояния все же попала в руки к Фиделю.

– Я не имела в виду...

– А ты бы согласилась?

– Продаться тому, кто больше предложит?

– Да.

– Порой мне кажется, что так было бы проще, – признаюсь я. – По крайней мере, для моей семьи. Родители определенно обрадовались бы.

– Да.

– Что ты будешь делать, когда мы вернемся на Кубу? – спрашиваю я, меняя тему.

Это одна из моих любимых игр.

– Сидеть в патио нашей виллы в Варадеро, смотреть на море и курить сигары, – улыбается Эдуардо. – А еще дышать. Любоваться ножками танцовщиц из «Тропиканы». Женюсь на какой-нибудь девушке, которая согласится меня терпеть. У нас родятся дети, и я буду смотреть, как они плещутся в воде. Они вырастут свободными от того страха, который испытывали мы. Они вырастут в мире, где можно пустить корни, где можно за что-то держаться, не боясь, что у тебя это отнимут.

– Ты хочешь иметь семью?

– Да.

– Довольно неожиданно.

Не стоит недооценивать Эдуардо: как бы, на первый взгляд, хорошо я его ни знала, он постоянно меня удивляет.

– Почему?

– Я думала, ты из тех людей, которые не хотят себя связывать и воспринимают семью как обузу.

Не сомневаюсь: именно так мой отец смотрит на мою мать, моих сестер и меня саму. Он нас всех любит, но мы для него еще один источник хлопот и волнений.

– Думаю, все будет зависеть от того, на ком я женюсь, – отвечает Эдуардо. – Если я, только ради того, чтобы выпутаться из нынешнего положения, выберу какую-нибудь американку с «хорошей» фамилией и связями, которые позволят всю жизнь как сыр в масле кататься, то да, наверное, такая семейная жизнь будет меня больше сковывать, чем радовать. Не пойми неправильно: деньги все упрощают, и я не стану врать, будто никогда не задумывался о том, чтобы пойти легким путем, но...

– Но ты романтик, – говорю я и сама удивляюсь.

Эдуардо смущенно улыбается.

– А как иначе? Зачем бы мы вообще стали всем этим заниматься, если не из романтических побуждений?

– Я думала, ты хочешь вернуть себе то, что потерял, – говорю я и сконфуженно думаю: «Неужели до сих пор я оценивала его неверно? Я думала, им руководят только собственные интересы, а на самом деле, он, вероятно, не такой уж и эгоист?»

– Это конечно. Только потерял я не только вещи, которые можно купить за деньги. У нас отняли и другое – то, что не имеет цены и что невозможно восстановить.

– А мой отец упорно пытается, – бормочу я себе под нос.

– Я бы не стал судить его строго, – говорит Эдуардо, еще раз меня удивляя. – На него возложена большая ответственность. Без Алехандро... Твой отец уже не молод и заботится о том, чтобы после его смерти вы с мамой и сестрами ни в чем не нуждались. Он много сделал для вас на Кубе, но этого, наверное, уже не вернешь. Разумеется, ему неспокойно.

Вот он какой – Эдуардо: в нем, как ни в ком из нас, мечтательность уживается со здравым смыслом.

– Ты злишься, – в очередной раз он поражает меня своей проницательностью.

Не думала я, что он это видит, однако спорить бессмысленно: злоба – мой верный спутник.

– Я надеялся, сотрудничество с ЦРУ тебе поможет, – продолжает Эдуардо. – Меня самого благодаря этому мой собственный гнев перестал мучить так сильно.

Я считала, что он втянул меня в игру из других соображений: во-первых, я должна была согласиться, и он это знал, во-вторых – моя красота и спорная репутация могли послужить оружием в борьбе с Фиделем. Мне никогда не приходило в голову, что одна из задач Эдуардо – помочь мне самой.

Не по этой ли причине он взял меня на передачу динамита? Может, он заметил, какой потерянной я чувствовала себя на балу после того, как попрощалась с Ником? Или все-таки он использовал меня в собственных интересах – как прикрытие?

– Немножко, пожалуй, помогло, – отвечаю я. – Есть ли новости от мистера Дуайера? Слышно ли что-нибудь о Кубе?

– Кое-что слышно, – отвечает Эдуардо, – но не всему сейчас можно верить. После взрыва «Ля Кувра» у Кастро, говорят, нарастает паранойя. Он уверен, что ЦРУ под него копает.

«Ля Кувр» – это французский теплоход, который вез оружие для Фиделя и взорвался в гаванском порту. Было много погибших и еще больше раненых. Кастро объявил это американской диверсией.

– А на самом деле?

Что взрыв действительно организован ЦРУ, вполне правдоподобно. С другой стороны, так говорит Фидель, а ему я верить не расположена.

Эдуардо пожимает плечами.

– Те, с кем я поддерживаю связь, говорят, они здесь ни при чем. Но кто знает? Я посвящен далеко не во все. Я недостаточно полезен ЦРУ, чтобы они относились ко мне как к равному.

– Каких чудесных друзей мы приобрели!

– В настоящее время они у нас единственные.

– Может, это глупо – возлагать все надежды на американцев? Есть ведь и другие потенциальные союзники.

– Кто, например? Ситуация с каждым днем становится все более запутанной. Советский Союз включился в игру на стороне Фиделя. Мы зажаты между двумя гигантами. Сейчас любое вмешательство в кубинские дела грозит нарастанием напряжения между Америкой и Советами. Все довольно паршиво.

Действительно, для кубинцев противостояние империй – вечный источник страха и боли. На протяжении всей истории наши судьбы тем или иным способом решал кто-то другой: сначала испанцы, потом американцы. Сейчас Куба участвует в опосредованной войне двух держав.

– Думаешь, наш план когда-нибудь пустят в ход? Они правда решатся меня использовать?

– Кто? ЦРУ?

Я киваю.

– Думаю, да. Вопрос только во времени. В том, как они собираются доставить тебя на Кубу, чтобы ты встретила с Фиделем, и как оттуда забрать. Американцы, конечно, не лучшие союзники, но без необходимости рисковать своей безопасностью не будут. Это поставило бы под удар их собственную репутацию. При нынешней напряженности между двумя странами они должны быть осторожны.

Учитывая мою историю, в частности смерть моего брата, они запросто могли бы представить все так, будто я действую по собственной инициативе, будто мной руководят только гнев и желание отомстить, а в политических махинациях я не задействована.

– Нервничаешь? – спрашивает меня Эдуардо.

– Немного. Одновременно переживаю и из-за того, что мне могут не дать шанса, и из-за того, что мне его, вероятно, дадут.

– Иногда бывает трудно сказать, когда чувствуешь себя хуже: когда не сумел ничего сделать или когда не сумел даже попытаться.

Я окидываю взглядом фигуры людей, гуляющих по пляжу. Мамаша играет на песке с двумя детьми, с виду – моя ровесница.

Насколько другой была бы моя жизнь, родился я в этой стране, а не на острове, раздираемом бесконечными противоречиями? Неужели я ходила бы с таким же самодовольным лицом, как эта американка? Или под ее внешним семейным благополучием, под пляжным загаром и белизной улыбки что-то скрывается? Может, мы все носим под кожей какие-то секреты, ведем внутренние бои? Может, эта женщина, видя, как мы с Эдуардо идем по пляжу, принимает нас за влюбленную пару, завидует мне: тому, какой красивый мужчина мне достался, и той свободе, которую дает мне отсутствие детей?

– Мы кое над чем работаем, – говорит Эдуардо, привлекая мое внимание.

– А над чем именно, ты мне не расскажешь.

Как не рассказал о динамите, который мы забирали.

– Все сложно, Беатрис. Есть вещи, в которые тебе лучше не вникать.

– Потому что я женщина?

– Нет. Потому что чем меньше людей об этом знает, тем лучше. У Фиделя повсюду шпионы.

– Я бы никогда...

– Не сомневаюсь. Тем не менее нужно соблюдать осторожность. Я по возможности стараюсь оградить тебя от всего этого, защитить. Алехандро, пока был жив, тоже тебя оберегал.

– Если ты хочешь, чтобы я была в безопасности, зачем ты все это затеял? Зачем взял меня с собой, когда поехал за динамитом? Зачем организовал мою встречу с человеком из ЦРУ?

– Затем, что я знаю, как много это для тебя значит. Как ты любила брата, как боролась против Батисты. Как веришь в Кубу и ее будущее. К тому же ты Беатрис Перес. Разве бывало с тобой когда-нибудь, чтобы ты чего-то захотела и успокоилась прежде, чем получила это?

– Даже не знаю... Либо ты понимаешь меня и веришь в меня, как никто другой, либо ты сам не успокаиваешься, пока не получаешь желаемого, а я – удобное средство осуществления твоих желаний.

Эдуардо смеется.

– Пожалуй, это ты понимаешь меня, как никто.

Он обнимает меня за плечи и прижимает к своему мускулистому телу. На этот раз сомневаться не приходится: молодая мать действительно бросает в мою сторону завистливый взгляд.

– Может быть, и то, и другое, – говорит Эдуардо, прикоснувшись губами к моей макушке.

Нежность его голоса противоречит неприкрытому цинизму слов. Такой уж он человек. Мы с ним во многом похожи. Иногда, глядя на него, я как будто бы смотрю в зеркало и не всегда бываю готова увидеть то, что вижу.

Глава 8

Сезон закончился, и теперь мы живем, как в болоте. Жара и влажность усугубляют нашу скуку. Мы целыми сутками торчим на пляже: устраиваем пикники, сооружаем замки из песка с моим племянником. Нет больше ни балов, ни изысканных приемов. Если бы Эдуардо между своими таинственными путешествиями не заглядывал к нам и не приносил кое-какие новости, тоска была бы невыносимой.

– Мы подумываем, не переехать ли в Майами, – объявляет моя сестра Элиза одним июльским днем, сидя рядом со мной на большом клетчатом покрывале и наблюдая за тем, как Мигель под руководством няни ковыряется в песке.

В последние несколько месяцев личность моего племянника претерпела трансформацию: из сонного младенца он превратился в бойкого маленького мальчика с лукавой мордочкой и упрямым огоньком в глазах, указывающим на то, что он Перес. Малыш очаровал всю семью, став нашим утешением и нашей надеждой в эти непростые времена.

– Зачем вам туда переезжать?

Майами недалеко, но я привыкла жить с сестрой по соседству – так, чтобы мы всегда могли зайти друг к другу поболтать.

– Там жизнь дешевле. Один друг предложил Хуану дом – просторный, причем недорогой. Мигелю будет где поиграть. И к работе Хуана ближе.

Моя сестренка теперь жена и мать. Муж и сын стали для нее важнее той семьи, в которой она родилась. Конечно, это естественный порядок вещей, и все же...

– Нам будет тебя не хватать, – говорю я, выдавив из себя улыбку.

Элиза сжимает мою руку.

– Мне тоже будет не хватать вас. Но я же совсем недалеко уезжаю.

– А кажется, что далеко.

Дело не в расстоянии. Дело в том, что моя сестра пускает в Америке корни, которые навсегда привяжут ее к этой стране. Я рада за Элизу, и в то же время у меня возникает ощущение, будто она движется дальше, а я остаюсь. Будто я, несмотря на преимущество в возрасте, проигрываю ей.

– Ты-то как поживаешь? – спрашивает Элиза и глядит на меня понимающе.

– Хорошо.

– Ага. А теперь правду. Мне можешь сказать не то, что говоришь всем. Как у тебя дела на самом деле?

Я вздыхаю.

– На самом деле очень неважно.

Ветер вздымает песок, Мигель ревет, няня подхватывает его на руки. Элиза хмурится. Через секунду ее внимание снова переключается на меня, но только отчасти: хотя бы краем глаза она постоянно присматривает за сыном.

Я всегда немного удивлялась тому, какая нежная мать получилась из моей сестры и как быстро она приспособилась к новой роли. Тем более что мне не совсем понятно, с кого она брала пример: наша мама была совсем не такой. Утирать нам слезы и дуть на ушибленные коленки предоставлялось няне Магде, а родная мать маячила где-то на заднем плане нашего детства как дама в красивом платье, которая заглядывала в комнату, собираясь на очередную вечеринку, и тут же уходила, оставляя после себя аромат духов.

– Тебе здесь плохо, да? – спрашивает Элиза.

– Да.

– Может, со временем ты привыкнешь и снова будешь счастлива?

– Счастлива? В Палм-Бич? Абсурд! Я это место не выбирала, я не хотела здесь жить, здесь не мой дом. Предполагалось, что мы тут только на какое-то время, если помнишь. Отец говорил, что через несколько месяцев все наладится. А теперь все как будто об этом забыли. У тебя семья. Родители заиклились на деньгах, на бизнесе, на положении в обществе. А как насчет того, что нельзя построить или купить? Я скучаю по Магде, по гаванским друзьям, по нашему старому особняку. – Я сглатываю слезы, которые мешают говорить. – Я хочу побывать на могиле Алехандро. Я хочу получить свою жизнь обратно. Хочу домой.

– Дом уже не тот, каким ты его запомнила, – говорит Элиза мягко: подобным тоном она часто разговаривает с ребенком.

В ее голосе слышится принятие. Она как будто бы смирилась с выводом, который я отказываюсь делать.

– Я знаю, и это меня злит. Такое ощущение, будто Фидель победил.

– Беатрис, не все в этом мире война. Иногда можно просто быть счастливой.

– Я бы не сказала, что это просто.

– Я тоже не имела в виду, что это легко. Я имела в виду, что от счастья не надо отказываться. Ты имеешь на него право. Алехандро не хотел бы, чтобы ты так себя терзала.

Так вот как я выгляжу в глазах сестры? Она думает, будто из-за убийства брата я разыгрываю мученицу? А ведь Элиза первая нашла меня в тот день, когда я обнаружила тело Алехандро. Она должна бы лучше всех понимать мотивы, которые мною руководят.

– Ты помнишь тот день? – спрашиваю я. – Помнишь, что я тебе сказала?

– Помню.

– Кастро должен за все заплатить! Где справедливость? Я не могу спокойно жить, пока Фидель, убивший столько кубинцев, правит Кубой.

– Беатрис! – шипит Элиза.

Она быстро окидывает взглядом пляж, а потом смотрит на меня расширенными глазами. Видимо, вспомнила, что мы не в Гаване, где нужно было взвешивать каждое слово, опасаясь возмездия.

Как бы я ни жаловалась на жизнь в Америке, к возможности свободно выражать свои мысли я уже привыкла.

– Неужели твой гнев прошел? Неужели ты забыла?

– Ничего я не забыла, – говорит Элиза, – и никогда не забуду. Такое не забывается. Но я не могу себе позволить зачахнуть от горя, не могу допустить, чтобы мой гнев меня поглотил. У меня есть сын. Я ему нужна. Революция и так достаточно у него украла.

– Извини. Мне не следовало...

– Если бы ты рассуждала иначе, это была бы не ты. Твои чувства мне понятны, я знаю, как сильно ты любишь Кубу. Но я за тебя беспокоюсь. Нельзя отказываться от нормальной жизни только из-за того, что мы не дома. Ведь никому не известно, сколько все это продлится. Мы, конечно, надеемся на лучшее и молимся о том, чтобы однажды вернуться, но больше мы ничего поделать не можем. Я понимаю: ты переживаешь из-за того, что родители не разрешают тебе учиться. Ты не знаешь, чем занять время. Но постоянно терзаться – это не дело. Ненависть к Фиделю не должна заменять тебе жизнь.

– А что мне прикажешь делать? Я не такая, как ты. Я не готова стать женой и матерью. Сколько я себя помню, мне твердят, будто я только на это и гожусь. У меня, мол, одна задача: быть красивой и очаровательной. Иметь что-то в голове совсем не обязательно, а с кем-то поспорить – вообще не дай бог. Мне все это надоело. Я не хочу в итоге выйти замуж за человека, который будет понимать мое предназначение так же, как родители. Я знаю, что ты счастлива в семейной жизни, но меня такое счастье только пугает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.